

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Маргарита Валуа, предав
своего возлюбленного,
не нашла в себе сил
расстаться с его сердцем.
Его, мумифицированное,
она носила на поясе,
а подаренное им,
золотое, – на шее. Но
и двух этих сердец
оказалось недостаточно,
чтобы быть счастливой...

Екатерина ЛЕСИНА

Разбитое сердце королевы Марго

Екатерина Лесина
Разбитое сердце
королевы Марго
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10312585

Разбитое сердце королевы Марго : [роман] / Екатерина Лесина: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80683-6

Аннотация

Любовь Маргариты Валуа, королевы Наваррской, и Бонифаса де ла Моль была обречена. Она – жена короля и дочь короля, а он – государственный изменник, заговорщик, отправленный на плаху. Королева Марго исполнила свой долг перед семьей. И памятью о той запретной любви ей осталось лишь золотое сердце, прощальный подарок человека, которого она предала... Медальон Маргариты Валуа, последней из некогда могучего королевского рода, делал Варвару невероятно притягательной в мужских глазах. Вот только счастья ей, как и своей хозяйке, он не принес. Все три мужа Варвары, любивших ее до безумия, погибли. И пусть у Варвары есть алиби на время их смерти, а причины смерти очевидны, исследователь аномальных явлений Илья Далматов уверен – речь вовсе не идет о совпадении.

А Варвара – не та несчастная девочка, которой представляется своей двоюродной сестре Саломее. Илья твердо намерен выяснить правду, несмотря на то что сам начинает испытывать к Варваре неизъяснимую симпатию...

Екатерина Лесина

Разбитое сердце королевы Марго

© Лесина Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Женищина умирала.

Она точно знала это и, как ни странно, совершенно не боялась смерти. Напротив, ныне та виделась избавлением, что от мук душевных, что от телесных.

Тело предало первым.

Расползлось, растеклось жиром, и теперь, глядя в зеркала, женищина не узнавала себя саму. Она отказывалась верить, что вот эта неопрятная толстуха с седыми волосами – и вправду она, прекрасная Маргарита.

Теперь она как никогда прежде походила на матушку.

Однажды, поддавшись гневу, она едва не приказала избавиться от зеркал, но после передумала. Зеркала не виноваты. Они остались, а женищина научилась видеть в них исключительно то, что сама желала. Нельзя обманывать себя? Что же ей еще оставалось? Смириться? Отступить

в тень и тихо доживать дни, которых оставалось, пожалуй, больше, чем того желали многие из тех, кто называл себя ее друзьями.

Она верила.

Знала, что за спиной ее смеются, называют развратною старухой, не понимая, что в душе своей она как раз-то молода... душа – единственное, что осталось прежним.

А тело вот-вот сгорит в лихорадке.

И доктор подносит воду с уксусом, уговаривая выпить. Жажда и вправду мучит нестерпимая, но женищина капризно отворачивается. Она слушает и уговоры, и мягкий голос священника, который волею своей отпускает все грехи. И думает, что грехов набралось немало.

Пускай.

Если Господь и вправду милосерден, то простит... простил же он матушку, которая сотворила многое из того, о чем сама женищина и помыслить не смела.

Может, в том ее беда?

Чересчур мягкотела, мягкодушина... будь по-другому, глядишь, все сложилось бы иначе.

Вздых.

А в груди жжёт, как тогда, когда она оказалась на Гревской площади и матушка колола в бок булавкой, шепча:

– Улыбайся.

Голос ее, тихий, не голос – но змеиное шипение, – до сих пор стоит в ушах. А с ним оживают воспоминания.

— Прочь, — просит женщина, но ее-то шепот не слышен.

Проклятье ее жизни, даже когда она кричала, ее не слышали. А теперь уж... собрались у постели, смотрят, ждут, когда она, Маргарита Валуа, испустит последний вздох, и тогда объявят о смерти.

Обрадовался бы Генрих, бывший супруг, когда б случилось ему дожить до нынешнего дня?

С ним не получилось стать женой, но вот другом он был неплохим... быть может, опечалился бы, а может, вздохнул бы с немалым облегчением, поелику пока была жива она, Маргарита, то и собственный его трон представлялся шатким.

Находились те, кто утверждал, что будто бы после развода он и права на сей трон утратил, и пусть голоса их были слабы, но все же... все же Франции достаточно малого повода, чтобы вновь вспыхнула война.

Вдова его, конечно, обрадуется... ей охота быть единственной королевой, но не в силах ее выслать Маргариту из Парижа. Приходится улыбаться.

И быть вежливой.

В ту первую встречу, которая почти стерлась из памяти Маргариты, королева не пожелала выйти навстречу той, кого, не стесняясь, именовала распутницей, будто у самой ее не было грехов. Она потребовала, чтобы именно Маргарита явилась пред ее очи...

Стыдно было.

И обидно.

И если бы не Генрих, в котором осталась еще благодарность за свое спасение, как бы все повернулось? Он выговорил своей супруге, и та затаила обиду...

Давно это было.

И Генрих мертв, как мертвы и братья, и матушка... и тот, о ком Маргарита почти забыла за эти годы.

Прочие... любовники, которых было не столь уж много, как о том говорят. Вспомнят ли? С печалью, со смехом... Маргарита знает, что над ней часто смеются.

Пускай.

Но найдется ли хоть один человек, который будет искренне горевать о смерти ее?

Маргарита улыбнулась: она знала ответ.

Она скончается 27 марта 1615 года, в собственной постели, завещав остатки своего состояния единственному человеку, которого любила всем своим сердцем, и он отвечал ей столь же искренней любовью. Он будет вспоминать о женищине, пусть и немолодой, некрасивой, но неизменно яркой, преисполненной радости, и после того, как станет королем, Людовиком XIII.

– Привет, – сказала девушка в вязаном берете. – Ты Саломея, да? А я – Варвара. Сестра твоя. Двоюродная.

Она толкнула носочком сапога клетчатый саквояж и продолжила:

– Можно, я у тебя поживу немного?

И Саломея кивнула: собственно говоря, почему бы и нет?

Снова зима.

Зимой холодно и тоскливо, особенно этой. Огонь в камине и тот не спасает. Он глядится нарисованным, и тянет сунуть в пламя руки, проверить, настоящее ли оно.

Безумие.

А все потому, что Далматов, скотина этакая, исчез.

Нет, Саломее, если разобраться, дела до него нет и быть не может, так, приятель или даже знакомый... чуть больше, чем приятель и знакомый. Оттого и обидно, что исчез!

И не пишет.

И не звонит.

И дом его, огромный мрачный, пустует. Она навещает этот дом раз в месяц, не потому, что надеется на возвращение хозяина, но и дома испытывают одиночество. Саломею знают.

Впускают.

Позволяют ходить по комнатам, и лишь маячит за спиной безмолвная тень охранника. Ему не понятно, что ей нужно в доме. Саломея и сама не понимает, но...

Она оставляет цветы.

Дому.

А получается, словно на могиле, и глупость такая же, как нарисованный огонь. Сегодня Саломея камин и вовсе не разжигала.

– Ты квелая какая-то. – Варвара разрешению обрадовалась и, ухватив саквояж обеими руками, не без труда подняла. – Заболела? Ничего. У меня варенье есть малиновое... мама моя сказала, что ты, быть может, не обрадуешься... что мы вроде как родня, а вроде и нет... а я подумала, какого черта? Тут свой человек есть, а я буду по чужим людям дома искать... нет, если мешаю...

Ее голос заполнил прихожую.

И стало легче.

Саломея словно очнулась.

Сестра.

Двоюродная? У нее нет двоюродных сестер, как и братьев. И наверное, эта девушка появилась не просто так... время выбрала зимнее, когда Саломея беспомощна почти.

И надо бы выставить ее прочь, но Саломея молчит. Разглядывает.

Рыжая какая... рыжие волосы кучеряшками, и рыжина их яркая, морковная. Рыжие веснушки на носу, на щеках и на руках.

Красный берет с петелькой на макушке и зеленое пальтецо.

Штаны желтые, узкие.

– Уф... мамка сказала, что если вдруг и погонишь, то варенье чтоб отдала. Я ей говорила, что может, ты варенье и не ешь вовсе...

– Ем.

– Хорошо... а еще тут капуста квашеная с клюквой. И грибы сухие... и вообще, ты думаешь, наверное, что я дура полная...

– Не знаю, – честно призналась Саломея.

Варвара стянула берет и пальтецо сняла.

Была она... тщедушной. Невысокой, худенькой до того, что походила на подростка. И трикотажный тонкий свитерок обтягивал хрупкое ее тельце.

– Уф... умаялась я в поезде. – Она отбросила копну рыжих волос. – Ты мне не веришь, да? Я фотки привезла... и вообще, поговорим, да?

– Поговорим.

– А чаем напоишь?

И Саломея против воли улыбнулась, впервые, пожалуй, за очень долгое время.

– Напою.

Чай пили на кухне. Варвара, быстро освоившись, сама поставила чайник и заварочный, о существовании которого Саломея забыла напрочь, достала, отмыла, обварила кипятком. Она вытащила из саквояжа полотняный мешок, из которого один за другим появлялись конверты из плотной бумаги.

– Тут чабрец... и еще ромашка. Но ее добавлять надобно на кончике ножа, иначе перебьет весь дух...

Саломее она велела сесть и не мешаться.

Саломея не мешалась. Наблюдала.

Сестра?

А ведь похожи... обе рыжие и яркие... и в чертах лица есть что-то этакое...

– Еще немного мяты... я мяту больше душицы люблю, а мама вот наоборот... погоди, сейчас.

Она вновь полезла в саквояж и вытащила на сей раз старенький пластиковый альбом.

– Вот... тут посмотри.

Папа. Она не видела его таким молодым, но сразу узнала. Как не узнать? Стоит, хмурится, смотрит серьезно... и за руку держит девочку в школьной форме.

– Это твой папа... то есть мне он дядькой, а тебе отцом и мама моя...

Сходство между девушкой и Варварой несомненно.

И еще одна фотография, мужчина и женщина, оба хмурые какие-то, серые и недовольные.

– Это дед с бабкой... мама сказала, что ты их не знаешь... не знала... оно и к лучшему. – Варвара зябко повела плечами. – Корень имбиря...

– Что?

– Если простыла – первейшее дело, чай с имбирем и медом. Очень помогает. Так что я брошу немного к травкам, хотя у него вкус специфический...

Девочка-девушка уже в белом платье держится за руку массивного мужчины, вдвое ее старше.

– А это мой отец...

И сама Варвара, ребенком, сидит на высоком стульчике,

смотрит прямо. Наряженная в кружевное платье, она похожа на куклу.

– Там еще свидетельство о браке есть и мое о рождении. Твой отец взял фамилию жены, а до того был Потаповым.

Этого Саломея не знала. Отец был... отец просто был, как была мама и бабушка, которая курила трубку и рассказывала истории об особенных вещах. Был дом и голуби на крыше.

Весна.

Осень. И вся жизнь по дням расписанная, казалось, до самой смерти...

– Потапов он... они с дедом поссорились крепко. И дед сказал, что отец весь род позорит и... и из дому выгнал. Мама так мне говорила. А он и ушел, сказал, что с этим родом ничего общего иметь не желает. Вот... и когда женился, фамилию жены взял.

– Не понимаю... – Саломея вернула фотоальбом. – Почему... почему ты только сейчас...

Варвара вздохнула и, поставив перед Саломеей чашку с чаем, велела:

– Пей. А я расскажу... так уж вышло все... неправильно.

Деда своего Варвара всегда боялась. Не то чтобы старик ее обижал. Нет, он просто глядел своими прозрачными глазами, кривил рот и отворачивался.

Бабка и вовсе редко выходила из комнаты. И честно гово-

ря, Варвара была лишь рада. Она не понимала, зачем сюда ходить?

Но отец требовал.

И раз в две недели мама наряжала Варвару в клетчатое шерстяное платьице с тесным воротничком, заплетала ей тугие косы, а к воротничку прикалывала круглую брошь.

Сама она в той квартире не появлялась. Да и отца не пускали дальше прихожей.

Он помогал Варваре снять пальтецо, разувал и подталкивал в спину:

– Иди.

Она и шла по темному коридору, к дверям приоткрытым, всякий раз представляя, что за этими дверями скрывается чудовище. Но нет, всего-то дед. Он сидел в широком кресле у окна и читал газету. Когда Варвара входила, дед ненадолго отвлекался от чтения, затем, чтобы указать ей на второе кресло:

– Садись.

Она садилась и сидела.

Молча. Неподвижно. Следя за тем, как медленно ползет стрелка на огромных часах. Ей казалось, что стрелка эта нарочно отмеряет время неправильно, издевается. Когда Варвара подросла, она задала маме вопрос:

– Зачем мне туда ходить?

– Они – твои родственники. И просто хотят знать, что с тобой все в порядке. Они тебя любят... – Тут мама смутилась

и тихо добавила: – По-своему...

– А тебя?

Почему-то Варваре казалось, что взрослые вокруг сговорились и играют в свою, взрослую игру, ей непонятную.

– Варечка, подрасти, – сказала мама, – и все узнаешь...

Расти пришлось долго. К визитам Варвара привыкла, как и к дедову молчанию, и к бабкиному недовольству с запахом корвалола.

Они умерли в один день, как в сказке, только эта сказка была совсем печальной. Но Варвара не плакала. Она послушно сидела и на кухне, и у гроба, и на кладбище вела себя тихо-тихо. Людей пришло немного. Они подходили к Варваре, говорили о том, что бабушка и дедушка теперь на небе, а на родителей почему-то не смотрели, кроме одного мужчины.

– Здравствуй. – Он протянул отцу руку. – Случая не выпало познакомиться, но...

– Отойдем? – Почему-то отец мужчине не обрадовался совершенно, а мама и вовсе Варвару обняла, прижала к себе и так, что дышать сделалось тяжело.

– Не бойся, – шептала она, – мы никому тебя не отдадим...

Отец с мужчиной о чем-то говорил, и злился, и махал руками, а тот слушал и тихо отвечал.

– Кто это?

– Твой дядя.

– Да? – Варвара не знала, что у нее есть дядя, и очень

удивилась.

— Они с твоим дедом когда-то поссорились, и тот выгнал его из дому. Он давно не появлялся, с похорон... — Она осеклась и губу прикусила. — Варенька... мы вечером поговорим, ладно?

Дядя уехал, оставил Варваре круглый кусок янтаря на веревочке, велел:

— Носи на удачу...

А маме — номер телефона и адрес, сказал, что на всякий случай. Варвара не поняла, на какой именно, но видела, что отец был этим недоволен.

Вечером же состоялся разговор: мама всегда держала свое слово.

— Понимаешь, — Варвара пила чай мелкими глоточками, — все оказалось так... запутанно. Моя мама — не моя настоящая мама, а моя, которая на фотографии, умерла при родах. И отец остался один с маленьким ребенком. У него своих родителей нет... сирота... а бабушка моя с дедушкой помогать отказались. Он не особо им нравился. Но вообще я думаю, что им никто не нравился.

Она вздохнула, и узенькие плечи поникли.

— Он промаялся месяц, а потом женился на патронажной медсестре. Там не было любви... поначалу не было, брак по расчету... она сказала, что ей уже двадцать восемь исполнилось, замуж выйти она не надеялась даже. И предло-

жение приняла сразу, тем более что отец ей нравился... он красивым был... и есть, живой в смысле, но уже не очень красивый, лысый и с животом. А ему нужен был кто-то, чтобы за ребенком приглядывать... бабка с дедом не одобрили. Считали, что он должен был до смерти холостым быть... или хотя бы срок траура выдержать. Ненормальные, да?

– Не знаю. – Странно было думать, что у Саломеи еще родственники имелись, о которых она, Саломея, не имела ни малейшего представления.

– Мне ничего не говорили... я думала, что Анна – моя мама... а мама и есть, и плевать, кто меня родил. Они еще этого простить не могли, что мне правды не говорили... я вроде как должна была память матери чтить... а отец отказался. И пригрозил, если они мне расскажут, то он в другой город уедет и видаться со мной не позволит... такое перемирие. Я к ним в гости хожу, а они молчат... вот... потом уже отец признался, что боялся, что твой отец попробует меня отнять, но тот уехал и все... иногда письма писал... а потом мама сказала, что он погиб... и только ты осталась...

Варвара замолчала.

И Саломея не спешила заговаривать.

– Мама говорила, что надо написать, но... понимаешь, папа... он хороший, только упертый очень... и сказал, что ты не ребенок... ребенка он точно не бросил бы, а тут получится, родственники появились и... и ты вроде как при деньгах, а значит, не помочь, но за деньгами... то есть вышло бы, буд-

то нам твои деньги нужны... не подумай, может, я не особо и богатая, только и не бедная. Вот...

Вот.

И вправду.

И что Саломее делать?

– Получается, что родственница тебе только я, а папа с мамой – так, чужие совсем люди. Да и я тоже не особо родня. Но вот... подумала, раз все равно сюда еду, то встретимся, поговорим. А то нехорошо это, когда своих не знаешь.

В ее словах была своя правда.

И наверное, Далматов заподозрил бы Варвару во всех смертных грехах сразу, но Саломее сестра нравилась. С сестрой, быть может, и зиму пережить получится...

На третий день она уже не была так уверена.

Варвара... Варвара умудрялась занимать все окружающее пространство. На кухне выстроились баночки с ее травами. В гостиной то тут, то там встречались оставленные ею вещи, которым, как и хозяйке, было тесно в гостевой комнате. В ванной теснились банки, баночки и флаконы...

– Ты не понимаешь. – Варвара усаживалась у камина, накрутив на голову полотенце. Волосы она натирала репейным маслом, или пивными дрожжами, или маской из яиц, но обязательно и каждый день. О лице тоже не забывала.

И о руках.

Ноготки она подпиливала, шлифовала, покрывала осно-

вой, а на основу – цветной лак... или белый, который расписывала узорами.

– Девушка должна следить за собой. Современный мир выдвигает серьезные требования...

Она говорила о трендах и моде, о том, что волосы надо бы выпрямить, но с другой стороны выпрямление из моды выходит да и вряд ли прямые подойдут к ее типу лица... разве что форму бровей изменить, но это дело небystрое.

– Зачем тебе это? – поинтересовалась Саломея.

– Как зачем? – Варвара отложила пилочку. – Внешность – это капитал, который надо правильно использовать.

– Это как?

– Замуж выйти... вот ты была замужем?

– Нет.

– А я была... трижды, – со вздохом призналась она. – Но те разы – не в счет... понимаешь... в моем городишке более-менее приличные мужики уже пристроены. А семью рушить – это...

– Неправильно.

– Точно, – согласилась Варвара, вновь берясь за пилочку. – Совершенно неправильно. Мужик, он скотина еще та. Один раз от жены ушел, и второй уйдет... Нет, надо брать или холостого, или разведенного. А где такого найти, чтобы не алкоголик, не извращенец и при деньгах?

– Не знаю.

– Я в агентство обратилась. Мне там сразу и сказали,

что в нашем захолустье искать нечего, а вот тут... у меня четыре кандидата. Завтра встречаюсь с первым, побеседуем, присмотримся... показать?

– Кандидата?

– Да хоть четырех! Может, себе кого присмотришь, – на старшую сестрицу, которая к своим немалым годам еще ни разу замужем не побывала, Варвара смотрела с нескрываемой жалостью.

Она вскочила. Варвара, как Саломея успела заметить, вообще двигалась быстро, порывисто. Из гостиной она выбежала, а вернулась с четырьмя тонкими файликами.

– Это я распечатала, чтоб в дороге почитать, подумать хорошенько... вот глянь, Петр Сергеевич, ему сорок три, дважды разведен, но детей нет... это хорошо, алименты платить не надо. У него свой бизнес...

Варвара села на ковер.

Пилочка скользила по ногтю с едва слышным, но мерзким звуком.

– Несколько аптек... квартира имеется четырехкомнатная... и дача... машина опять же...

Петр Сергеевич был одутловат и похож на хомяка. Круглощекий, с крохотным носиком и глубоко посаженными глазками, он даже на фото производил отталкивающее впечатление.

– Правда, не красавец, – согласилась Варвара, хотя Саломея ничего не сказала. – А вот следующий вполне. Олег Ря-

зенский. Предприниматель. Хотя всего предприятия – пара точек на рынке, но зато никаких бывших жен.

Этот был помоложе, но выглядел уставшим.

– Василий Васильевич, военный в отставке, сейчас владеет двумя супермаркетами... купил небольшой пельменный цех. Очень состоятельный дядечка. Есть свой дом в два этажа... правда, возраст... ему шестой десяток пошел и папа точно не одобрит, хотя и сам был старше мамы... главное, что у него сынок имеется от первого брака, взрослый, но...

Она переложила пилочку в левую руку.

– ...с папочкой он отношений не поддерживает. Вроде как разругались вусмерть... только на наследство все одно виды имеет.

– С чего ты взяла?

Саломея держала в руках последнюю папку.

– С того, что дураком был бы, если бы не имел. А это... так, внагрузку дали... Илья Далматов... ни дела, ни перспектив, ни денег... небось ищет состоятельную дурочку, чтобы прицепиться, только рожи тоже нет.

На снимке Далматов выглядел еще более блеклым, нежели обычно.

И стрижка эта ему не идет.

И очки в круглой оправе, за которыми лица не разглядеть. Рубашка синенькая, школьная какая-то... свитерок дешевый, даже на снимке видно, что заношенный.

– Саломея, – Варвара отложила пилочку, – ну вот реально

не вариант. Я с ним и встречусь только потому, что по условиям должна встречаться со всеми кандидатами, которых они мне предлагают. А так вообще это...

Она сморщила носик.

– Возьми лучше Олега... симпатичный мужик. Приодеть, причесать, а с деньгами, как я вижу, у тебя проблем нет. Поможешь бизнес развернуть...

И вновь пилочкой по ногтю мазнула.

– Да нет... спасибо... – задумчиво произнесла Саломея.

Значит, ни состояния, ни перспектив... и нехорошо лезть в чужое дело, но с другой стороны, если Далматов в этом самом агентстве объявился, значит, с агентством не все ладно.

А Варвара с ними контракт подписала.

Саломея же за нее ответственность несет... как старшая сестра...

– Ты не возражаешь, если с ним встречусь я? Только встречу ты назначь, ладно?

Варвара лишь плечами пожала...

Встрече Далматов не обрадовался. И встал, чтобы уйти...

– Сиди. – Саломея бросила сумку на стульчик. – Что, трудные времена в жизни настали?

Он неловко пригладил взъерошенные волосы.

Бледный.

– Выследила?

– Больно надо... – солгала она, хотя как солгала, она ведь

и вправду не следила.

Дом вот навещала, изредка.

Звонила.

Порядка ради.

– Совпадение... моя сестра...

– Не знал, что у тебя сестра имеется. – Он снял дурацкие очки и глаза потер.

– И я не знала. Поговорим?

Далматов вздохнул. И вот откуда такое ощущение, что она человека преследует?

– Нет, если не хочешь, то я уйду и...

– Сиди. Заказывать ничего не рекомендую, если, конечно, ты не испытываешь любви к пережаренным пирожкам и теплomu чаю.

– Не испытываю, – согласилась Саломея. Но заказ сделала. Для порядка. Да и толстая официантка глядела на них с нескрываемым раздражением.

Кафе было... бедным? Оно располагалось на первом этаже многоквартирного дома. Грязные витрины с полустертыми буквами. Линолеум на полу. Пластиковые столики. Пластиковые стулья. Пластиковые вазочки с пластиковыми же цветами. Запах горелого жира.

Пятна на скатертях.

Три гвоздички на столе.

– Цветы я заберу? – Саломея протянула было руку, но Далматов букет убрал.

– Я тебе другие куплю.

– А эти...

– Эти для разговора. Не стоит их нюхать. – Он решительно смахнул цветы на пол. – У девушек есть очаровательная привычка цветы нюхать, вне зависимости от того, насколько они жалкие...

– Опять твои штучки.

Почему-то раздражения это не вызвало, скорее уж облегчение: ничто в жизни не меняется. И Далматов вон прежним остался, несмотря на чудной наряд.

– Для Варвары готовил? Ей ведь не случайно твой профиль подсунули?

– Как вы познакомились?

– Я первой спросила!

Принесли чай в бумажных стаканчиках. И вправду теплый со странным химическим запахом. Далматов свой лишь понюхал.

– Рассказывай, – велел он. – Она ведь недавно на тебя вышла...

– Неделя уже...

Неделя. И странно даже, что когда-то Варвары не было. Она обжилась и прижилась, и старая квартира приняла ее.

– Появилась... просто явилась... сказала, что сестра, двоюродная... попросилась пожить.

– И ты пустила.

Прозвучало почти обвинением.

– Не следовало?

Фыркнул. И выражение лица явилось знакомое, надменно-снисходительное, которое с нынешним жалким нарядом Далматова вязалось плохо.

– Гнать надобно таких родственников...

– Вот когда у тебя объявятся, тогда и погонишь.

Скривился.

– Теперь твоя очередь. – Саломея откинулась на хлипком стульчике и руки на груди скрестила. – Рассказывай, чем тебе Варвара не угодила...

На мгновенье показалось, что Далматов просто встанет и уйдет, опять исчезнет... и теперь точно Саломея не станет ни звонками докучать, ни визитами. Но он лишь вздохнул и виски потер.

– Надо было сразу с тобой поговорить.

– Надо было, – легко согласилась она.

– Я надеялся провернуть это дело быстро, но вот... ты знаешь, что за твоей сестрицей череда трупов тянется?

– Что?

– Не знаешь, – с чувством огромного удовлетворения произнес он. – Так вот слушай...

Варвара Никитична Барсукова, а в девичестве – Потапова, обладала редкостной целеустремленностью. К сожалению, цель в своей жизни имела одну – выйти замуж.

Первой жертвой ее стал учитель физики, молодой,

неопытный, а потому позволивший себе переступить грань. И пусть была Варвара уже в одиннадцатом классе, да по годам являлась особою совершеннолетней, пылкий роман их, а затем и последовавшее бракосочетание вызвали немалый скандал. Скандал закончился увольнением, которое и положило конец едва начавшейся семейной жизни. По официальной версии, супруг Варвары Никитичны не вынес общественного осуждения и в порыве раскаяния влез в петлю.

Варвара в это время находилась у родителей. Труп обнаружила соседка, заглянувшая не то за солью, не то за спичками, не то еще по какой надобности. Она и вызвала милицию.

Дело быстро закрыли.

Да и очевидно же, что самоубийство. И записка предсмертная имеется, и причин полно... матушка несчастного, конечно, пыталась обвинить во всем неугодную невестку, особенно когда выяснилось, что квартирка супруга отошла ей по завещанию, но все обвинения были признаны несостоятельными.

Вдовствовала Варвара недолго, хотя траур носила честно, однако спустя год вновь вышла замуж, на сей раз за предпринимателя средней руки. Он был старше Варвары на десяток лет и имел дурную привычку отмечать жизненные удачи, как и жизненные неудачи, обильными возлияниями.

Спустя месяца три после свадьбы Яков Никитич упился до белой горячки, в припадке которой свел счеты с жизнью. Правда, петле он предпочел прадедов револьвер. Это дело

расследовали не в пример тщательней, однако же у вдовы вновь имелось алиби, на сей раз куда более надежное. Последнюю неделю она провела на курорте, в Турции, откуда и была вызвана на опознание...

По мужу она горевала года два, пока не закончились деньги, а затем опять вышла замуж.

– Что ты хочешь сказать... – Почему-то слушать Далматова было неприятно. И все, сказанное им, звучало так... так, будто он обвинял Варвару.

А она не виновата.

Саломея чувствовала, что не виновата, и верила, вернее, хотела верить. В конце концов, у нее ведь не так много родственников, чтобы ими разбрасываться. А в жизни случаются совпадения и похлеще.

– Я хочу сказать, – Далматов тоже откинулся на стульчике, очки он снял и теперь разминал пальцами переносицу, кривился, – что твоя сестрица работает по одной схеме. Свадьба. Труп. Завещание. Или думаешь, что с третьим мужем было иначе? Правда, с ним она целых полтора года прожила. Между прочим, из семьи увела. Успешный бизнесмен, владелец медицинского центра. Был.

Он сделал паузу.

Актер, чтоб его... и все-таки Саломея была рада встрече. Нет, она в жизни не признается, потому как не заслужил Далматов такого признания. Но рада...

Живой.

И в норме, насколько это понятие в принципе применимо к Далматову.

— У него ради разнообразия инфаркт приключился, а главное, что опять же нашей черной вдовушки в это время рядом не было. Отдыхала она на Сейшелах... нервы расшатанные лечила.

— Далматов, ты...

— Нет. — Он произнес это «нет» резко. — Ты хотела услышать? Слушай. Я понимаю, рыжая, что тебе это все неприятно, но лучше так, чем однажды я узнаю, что и с тобой инфаркт приключился. Или ты в ванну забралась да вены перерезала...

Он отвернулся.

Говорить о перерезанных венах не хотелось. Вообще вдруг говорить расхотелось. И тишина давила, да так, что еще немного и вовсе раздавила бы.

— Она их убивает. Я не знаю, каким образом. Пока не знаю, но выясню.

— Ее ведь не было...

— Рыжая, не обязательно находиться рядом, чтобы убить. Есть, к примеру, отсроченные яды или проклятья... ты ведь веришь в проклятья? Знаешь, кем был твой дед?

— Понятия не имею.

— Довольно известная в узких кругах личность. Конечно, при Советах колдунов не существовало, но вот узкие специ-

алисты определенного... ты же слышала про зеркало Луи?

– Луи Арпо? – уточнила Саломея.

– Оно самое... тридцать восемь человек за триста лет... или кресло Басби... не мне тебе рассказывать, на что способны подобные вещи.

– И Варвара...

– Нет, сама она способностей лишена напрочь. Но вот от деда ей досталось что-то... – Далматов щелкнул пальцами. – Я понятия не имею, что именно, он не делал списков, как понимаешь. А дневник не уцелел, если он вообще был. Но девочка получила игрушку и использует ее.

Саломея молчала.

Да и что ей было сказать?

Она не верит... не верит... наверное. В конце концов, все могло быть совпадением... или Варвара не знает, что вещи способны причинять вред...

– Рыжая, – Далматов вздохнул, – послушай. Я понимаю, что она тебе родственница и у тебя приступ родственной любви... и вообще голова кружится от обретения этакой кузины, но давай ты мозг все-таки включишь. Как поведет себя нормальная девица, у которой один за другим умерли трое мужей?

– Наверное, огорчится...

– Огорчится. – Он фыркнул. – Ну ты... сказала... огорчится. Да половина поверит в проклятье и ринется замаливать несуществующие грехи, вторая половина такой дурью

маяться не станет, но на всякий случай от нового замужества воздержится. И только единицы, самые циничные, будут искать нового супруга. Да не просто искать... кого она выбрала? Полагаю, самого состоятельного.

Он был прав.

Нет, ну что за скотина такая... сначала исчезает почти на год, а потом объявляется, чтобы в очередной раз влезть в жизнь Саломеи, да с ногами, да еще держится, будто одолжение делает...

– Если хочешь, можешь мне пощечину дать.

– Зачем?

Он пожал плечами:

– Авось легче станет.

– Не станет. – Саломея потеряла виски. – У меня от тебя голова болит, Далматов...

– Даже врать не стану, что меня это огорчает. А знаешь почему? Потому что раз болит, значит, живая. И мне бы очень хотелось, чтобы ты и дальше живой оставалась.

– Ты поэтому исчез?

Не ответил.

Отвернулся к мутному окну, подернутому рябью дождя. Там, за окном, вновь дождь идет, топит остатки грязных городских снегов.

– Ты сказала, что она появилась всего неделю тому назад. Это как минимум странно. В городе она два месяца. Зачем лгать?

– Не знаю, – ответила Саломея. – Но спрошу.

– Не самая лучшая идея...

– А самая лучшая?

– Выставь ее из квартиры...

– А квартиру продай. – Саломея отвернулась от окна. –

Далматов, ты же сам понимаешь, что это может быть что угодно, не обязательно кресло или зеркало... булавка в стене. Или бусина... или еще что-нибудь такое, что можно спрятать. Если она и вправду хочет убить меня, то...

Неприятно и думать о таком.

Варвара-болтушка.

Волосы-пружинки и ногти, отполированные до блеска, зеркальце, с которым она не расстанется ни на миг. Глянцевые журналы. Розовые носочки с помпонами...

– С ней безопасней. – Саломея попробовала-таки чай, у которого оказался едкий привкус соломы. – Ты говорил, что она уезжала. Всякий раз уходила... и значит, для нее это тоже небезопасно. Поэтому пока мы вместе, мне ничего не угрожает.

Далматов определенно хотел что-то возразить.

– А ты... если хочешь что-то узнать, приходи в гости.

Саломея встала.

– И пожалуйста, постарайся без вот таких подарков. –

Она указала на несчастные гвоздики. – Для начала просто поговорим. Быть может, все совсем не так, как ты представляешь.

– А если так?

– Тогда и будем решать... проблему.

Вот только Саломея сомневалась, получится ли.

С самого начала все шло... не так.

Далматов не мог бы точно сказать, что именно его настораживало. Городок? Он повидал таких городков на своем веку. Не большой и не маленький, выстроенный по единожды одобренному плану, с замызганным железнодорожным вокзалом, к которому вплотную примыкает автобусный.

Оба здания старые, нуждающиеся в ремонте.

Запах дыма, металла и пережаренных пирожков, которыми торгуют тут же... люди.

Суета.

И женщина в черном. Она выделяется из толпы, как ворон выделялся бы в голубиной стае. Она не держит таблички с фамилией, да и вовсе выглядит случайно оказавшейся здесь.

– Вы Илья Далматов. – Она заговорила первой, стоило Илье подойти. – В жизни вы выглядите иначе, чем на снимке.

– Хуже?

– Моложе.

По ней самой сложно было сказать, сколько ей лет.

Двадцать?

Сорок?

Шестьдесят?

Бледное осунувшееся лицо, и бледные же руки, сжимающие черную дерматиновую сумку. Старую. С трещинами и ободранными ручками. Ее пальцы и сейчас шевелятся, царапают, щиплют эту несчастную сумку, на ней вымещая ненависть.

– Идемте. – Она развернулась. – Здесь неподходящее место для беседы.

Тогда, помнится, у Далматова появилось преогромное желание убраться, но он подхватил саквояж и двинулся за женщиной. Она же шла, не оборачиваясь, нисколько не сомневаясь, что он подчинится.

И заговорила лишь в машине.

– Ольга.

– Знаю.

– Знаю, что вы знаете, – ее губы дрогнули, точно она собиралась улыбнуться, – но положено представляться.

– Илья.

Она сама вела машину, резко, по-мужски. И автомобиль этот, чересчур уж огромный, неповоротливый для местных узких улочек, тоже ей не подходил.

Илья смотрел на город.

Обыкновенный.

Серые дома, марево тумана, призраки труб, из которых сочится дым. Редкие огни. Потом город закончился. Дорога стала шире, но более неровной. Зашуршал под колесами щебень.

– Ее Олег помогал засыпать... еще когда только дом купили... перестраивать начали. Нам нравилось это место. – Голос Ольги звучал глухо, отстраненно. – До города рукой подать, а с другой стороны и лес рядом, и озеро... там озеро удивительной красоты. Мы бегали купаться, даже после Ильина дня... знаете, говорят, что после Ильи купаться нельзя. А мы вот не верили в приметы... дорога к поселку, правда, дрянной была. Ямы и колдобины. Колдобины и ямы. Но Олег с мужиками договорился. Выписали пару машин щебня, там люди не бедные. Не богатые, не подумайте, но и не бедные... сами с лопатами встали, засыпали... и теперь вот... Олега нет, а дорога осталась.

Ее дом выделялся среди иных ярко-красной крышей.

Она припарковала машину на лужайке и велела:

– Выходите.

Здесь пахло дымом, но не городским, а тем, особым, который рождают осенние костры. В нем мешается запах прелой листвы, и дерева, и еще раннего дождя, что накрапывал, заставляя поднимать воротник пальто.

Илья не спешил войти в дом.

Осматривался.

Коттедж в два этажа. Окна открыты настежь, и наверняка дом выстыл, но эта женщина не почувствует холода. Она мертва. Она дышит, ходит, разговаривает. У нее теплые руки и сердце бьется в ровном ритме, да только она все равно мертва и прекрасно знает об этом.

Далматову уже приходилось встречать подобных людей.

— Мы здесь жили... приезжали весной, а уезжали поздней осенью, и потом все равно возвращались на выходные. А город нам не нравился.

Она толкнула дверь.

Не запирает. Наверное, полагает, что брать у нее нечего. Нет, в доме полно вещей, вот только для Ольги они не представляют особой ценности.

— Тапочки сами себе найдите... или не находите, если нет особого желания переобуваться. Тут убирают дважды в неделю. Я наняла девочку... знаете, мне тяжело что-то делать самой. Говорят, депрессия... а я не ощущаю тоски. Мне просто ничего не хочется.

Она прошла на кухню.

Просторное помещение.

Деревянная мебель, несколько тяжеловесная, но эта тяжеловесность уютна. Здесь пахнет кофе, и Ольга включает аппарат, наверняка она больше почти ничего не ест. Хотя кофе — тоже не еда. Она и вкуса небось не ощущает. Пьет, чтобы пить, чтобы держаться на ногах.

— Мне вас порекомендовали, как специалиста по... по... — Она все же запнулась. — Нестандартным... случаям... вы не экстрасенс?

— Нет.

— Хорошо. Они лгут. Я обращалась ко многим... и к ведьмам тоже, чтобы проклинали эту маленькую тварь. Они про-

клинали, деньги брали, а она все равно жива оставалась. Но наверное, надо по порядку, да?

Далматов кивнул.

Кофе он сам себе сделал. И заглянув в холодильник, вытащил кусок сыра да батон.

– Я проголодался с дороги. Отвык, знаете ли, от поездов.

– Что? Ах да... извините... у нас маленький городок. И ваша машина привлекла бы внимание... хотя, может, и нет... но как знать? Я не хочу, чтобы она догадывалась. Я вообще хочу, чтобы она умерла...

– Я за подобные заказы не берусь.

– Вы неправильно меня поняли, – покачала головой Ольга. – Я не предлагаю вам ее убить. Я всего лишь говорю о том, что была бы рада, если бы эта тварь сдохла... быть может, тогда мне и лекарства не понадобятся. Как вы думаете?

Далматов пока думал о том, что не стоило соглашаться на этот заказ. Он и от прошлого отойти не успел, но... от работы до работы, чтобы не думать ни о чем, кроме работы.

– Мы с Олегом поженились еще в мединституте. Я была на третьем курсе, он – на пятом. Ни родных, ни близких. Комната в общежитии... потом он работал, я доучивалась и тоже работала. Затем работали вместе. Много работали... очень много. Но тогда мы были счастливы. Верите?

– Верю.

Ей не нужна была его вера, но просто собеседник, который выслушает ее историю. Она пила черный кофе, траур-

ный, как ее наряд, наверняка горький, поскольку ныне она не могла себе позволить слабость или сладость. Говорила.

– Он затеял Центр создать. Помещение нашел, людей, которые... деньги... пришлось одалживать и много. Работали на износ, но... получилось. Не сразу поняли, что получилось... а дальше – легче... то есть не легче, тоже хватало проблем, иного свойства, но мы справлялись и с ними. Появились деньги... и становилось их все больше и больше... если бы я знала, что...

Она закрыла лицо ладонями.

Скорбная фигура.

– Деньги как кровь... девочки-акулы чувствуют... я ведь кто? Старая жена, которая подвинется, а нет – и подвинуть можно. Они все почему-то уверены, что имеют право... строили глазки, вздыхали томно... говорили так, что становилось ясно – стоит Олегу пальцем пошевелить, мигом сделают все, что он попросит. Его это забавляло.

– А вас?

– Злилась, конечно. Нет, я не думала, что Олег мне изменит, он не из тех, которые меняют жен... я думала, что не из тех... мы дом вот строили. Он смеялся, что готовит плацдарм для отступления, что... наймет директора, чтобы Центром руководил, а сам будет просто жить. Мы будем просто жить. А то ведь все некогда и некогда... и тут вдруг говорит, что встретил женщину, которую полюбил. Ему очень жаль. Жаль!

Чашка с недопитым кофе полетела в стену, раскололась от удара пополам, выплеснула черную жижу.

– Он просил прощения... говорил, что ему жаль, что он не стал бы обижать меня, но эта женщина... у нее будет ребенок. Тварь! Лживая-лживая тварь.

Ольга вскочила. Она металась по кухне, хватаясь то за одно, то за другое, не способная успокоиться.

– Потом, конечно, у нее случился выкидыш... уже когда он на развод подал... смешно, да? Врач ведь... мог бы проверить... но нет, он только и говорил о том, как ей тяжело, что он должен быть рядом, что он несет за нее ответственность... а я... я ведь сильная, сама справлюсь.

– Вы справились.

– Что? – Она обернулась и застыла, словно впервые увидела Далматова.

– Справились. Вы здесь. Живете.

– Выживаю. – Кривая усмешка, которая ее старит. – Каждый день выживаю. Зачем, спрашивается? Я не стала его удерживать. Признаться, рассчитывала, что он поймет... одумается... вернется. Каждый вечер ждала. Я бы простила... я его сразу простила. Мужчинам ведь случается ошибаться, верно?

Далматов промолчал.

– Он не вернулся... свадьбу сыграли... красивую такую... я видела фотографии... а потом она заявила ко мне. Представляете, наглость? Поговорить о делах...

Ольга судорожно выдохнула.

– Ей не нравилось, что я работаю в Центре... лепетала, что понимает мои чувства, то, как мне тяжело... что Олег – благородный человек, но не способен понять всех тонкостей души... а я сидела и думала, что она – лживая тварь, которая притворяется цветочком. Девочка-ромашка. Она хотела выжить меня из Центра, предлагала отступные, вроде бы как компенсацию. Сказала, что на дом не претендует, как будто у нее есть право претендовать на мой дом... я ее послала. А вечером позвонил Олег. Кричал. Он никогда прежде на меня голос не повышал. Тут же... не знаю, что она ему обо мне наговорила, но вышло так, будто я ее вышвырнула из дому... ударила... велел убираться из Центра, угрожал, что вышвырнет меня из дома, как кошку вредную. Так и сказал... кошка вредная... и еще фригидной стервой обозвал.

На белых щеках Ольги вспыхнули алые пятна.

– Признаюсь, я пришла в бешенство. И подала в суд. Раздел имущества, если так... еще до развода мы обо всем договорились. Он забирает городскую квартиру, а мне – дом... и доля в бизнесе. Но тогда я поняла, что эта тварь заставит его позабыть обо всех договоренностях. Да и... хотелось справедливости. Суд я выиграла. Она забыла, что и у меня в этом городе имеются хорошие знакомства... судья... это ведь конфиденциально, наш с вами разговор?

– Да.

– Хорошо... судья ее знала. Эта тварь приходила... выступала свидетелем... рассказывала о том, какая ужасная я была жена. Как изводила Олега своими капризами, изменяла ему налево и направо... транжирила деньги... она так красиво говорила, что я сама почти поверила. Только вот судья... очень хорошая женщина... мы были знакомы... она приходила ко мне... я гастроэнтеролог, а у нее проблемы... не важно, главное, что... я знала, что у нее сын умер. Оказалось, из-за этой твари... она потом пришла ко мне. Рассказала, что... у него тоже невеста имела, и свадьбу планировали. А потом вдруг заявил, что он любит эту девку и так, что жизни без нее не представляет. Мать пыталась образумить... поссорились только... и он потом с жизнью покончил... Олег – третий ее муж.

Ольга вновь села, сгорбилась.

– Я потом... после суда и того... разговора... пыталась с ним... знала, что бесполезно... он был зол. На меня зол! Будто я во всем виновата... сказал, что я ему жизнь испортила, что лучше бы он никогда меня не встречал... его Варечка – ангел земной, а я – дьяволица... я пытаюсь отобрать то, что мне не принадлежит. Он забыл, что моего труда было не меньше. Из-за нее... требовал отказаться... грозил апелляцией... а потом еще и она позвонила... такая ласковая, зефирная... велела подумать о том, что бывает со слишком упрямыми бывшими женами. Я ответила, что то же бывает и со слишком наглыми девками...

Вновь вздох.

– Вам это, наверное, кажется обыкновенными бабскими дрязгами... я и сама никогда не могла бы подумать, что дойду до такого, но... я осталась в Центре. Из принципа осталась. И каждый день ходила на работу, как на войну. Там и шла война. Одни жалели меня. Другие – Олега, которому я не даю покоя... преследую... нет ничего более жалкого, чем женщина, которая цепляется за мужчину. Но я не цеплялась за него. За нашу прошлую жизнь – да. За работу свою. За дело... я ведь на него годы положила... здоровье свое, нервы... Олег не выдержал первым. Точнее, не он, а она... наверное, все-таки испугалась, что уйдет. Заставила продать свою долю...

– Кому?

– Валентин Егорович – человек непричастный, – отмахнулась Ольга. – Он и в медицине понимает мало, зато хозяйственник отличный. Мы вполне сработались.

Помолчав, она добавила:

– С ним мне делить нечего. А он... он прекрасно понимал, что я чувствую... знаете, мне кажется, что только там я и живу. Остальное – это... как сон... прихожу в Центр и просыпаюсь. А потом домой и опять... но после продажи мне даже начало казаться, что все, быть может, наладится... как-то наладится. А потом Олег умер.

Ольга вновь замолчала, на сей раз пауза длилась долго.

– Вы ведь верите в то, что убить можно издали?

– Да, – спокойно ответил Далматов.

– Вскрытие делали... и на экспертизе я настояла... я ее оплатила... на все отравляющие вещества, которые только возможно... вы ведь понимаете, что, чтобы найти что-то, надо хотя бы приблизительно знать, что ищешь...

– Не нашли ничего?

Она покачала головой:

– Инфаркт. Классический случай, точно с учебника... но я знаю, что это она... убила она... но мне не верят... разве что Надюша... Надежда Сергеевна, у которой сын... она тоже не верила, что он мог с жизнью покончить... она показывала фотографии... симпатичный светлый мальчик. И улыбался. До последнего улыбался. Скажите, человек, который в петлю полезет, будет улыбаться?

– Возможно.

– Да... возможно, я понимаю, что... он ведь был нормален. И тоже... у Надюши знакомства, связи... расследовали это дело подробно, но... самоубийство. Только она все равно не верит. А потом второй был... и Олег – третьим... такие вот совпадения. Надежда сказала, что надо шамана искать... вы ведь не шаман.

– Нет.

– И не экстрасенс. Я помню. Вы... просто...

– Занимаюсь... необычными случаями. Вроде вашего.

– Да, мне говорили... и вы полагаете, что... я думаю, их отравили. Ведь есть же яды...

– Есть, – подтвердил Далматов. – Вы себе не представляете, сколько всяких ядов есть...

– И те, которые нельзя обнаружить?

– Почему... можно, но надо знать, что ищешь... да и помимо ядов имеются способы...

– Проклятье. Мне говорили о проклятье. Но я не верю.

– В проклятье?

– Да. – Она села прямо. И руки сложила на коленях, и подбородок задрала, точно самым этим неверием бросая вызов ему, Далматову. – Это как-то... не знаю. Я рациональный человек. Не пытайтесь меня переубедить...

– Не буду.

– Хорошо. – Илье показалось, что произнесла она это с нескрываемым облегчением. И вправду боялась, что Далматов станет ее переубеждать? Будто ему заняться больше нечем. – Но... если по порядку. Где-то за месяц до... смерти мне позвонил Олег. Попросил о встрече. Я... я не сразу согласилась. Была обижена и... и не думала, что от этой встречи будет толк. Знаете, такое вот... вроде бы и перегорело уже, заживать начало, а тут опять... по старой ране да солью. Но он просил. И голос был такой вот... уставший донельзя.

Ольга вновь встала.

– Кофе будете? Я только его и могу... хоть как-то держит. Наверное, надо обратиться к специалисту, пусть выпишет таблетки... это такое искушение, словами не передать. Выпить таблетку и стать счастливым.

– Давайте я вам лучше чаю заварю. – Далматов взялся за саквояж. – Счастья не обещаю, но поспите нормально. Вы ведь давно нормально не спали?

Она не стала возражать.

– Человек, долгое время лишенный сна, теряет и способность мыслить здраво. Не говоря уже об адекватной оценке реальности. Вы как врач должны понимать это.

– Я гастроэнтеролог.

– Думаете, гастроэнтерологи устроены иначе, чем обыкновенные люди?

Не ответила. Она молча следила за его манипуляциями, и Далматов не мог отрешиться от ощущения, что эта женщина просто-напросто его не видит.

– Значит, вы все-таки согласились на встречу?

Он смешивал травы в фарфоровом заварочном чайнике.

Чабрец. И мята. Мята резкая, хорошо маскирует неприятные запахи... а ромашка перебьет горечь.

– Согласилась... я никогда не умела ему отказать. Он... пришел... знаете, я почему-то ждала, что он будет просить прощения. Или попросится... наверное, все бывшие жены втайне мечтают, что муж раскается и вернется... но он... он выглядел неплохо. Моложавый... молодящийся... некоторые молодящиеся мужчины смотрятся жалко, но не Олег. Я себя рядом с ним ощутила старой.

Чайник закипел.

И не дело это – травы кипятком заливать, да только во-

зиться по правилам нет ни желания, ни времени. Сойдет и так, главное, добавку правильно рассчитать.

– Он сказал, что хорошо выгляжу... вежливая ложь. А потом... потом, что сходит с ума.

Заломленные руки.

И взгляд растерянный.

– Держите. – Далматов протянул чашку. Три капли прозрачного раствора, горького с неприятным запахом, но она не почувствует. – Погодите. Чай горячий.

– Да, конечно...

– Что именно он вам сказал?

– Ему... ему казалось, что в доме есть призрак... он видел его...

– Какой призрак?

Ольга покачала головой.

– Он... он слышал голос, сказал, что явно женский... и звуки... будто бы шаги, вздохи... он решил, что это галлюцинации... у него отец покончил с жизнью. Пил много, допился до горячки. И Олег очень боялся, что тоже... алкоголизм по наследству не передается, но... некоторые страхи иррациональны.

– А вы?

– Я? – Она понюхала пар и скривилась: – Что вы туда добавили?

– Какая разница, главное, что вы выпитесь.

Ольга кивнула: кажется, ей и вправду было все равно.

И добавь Далматов яду, она выпьет его, не поморщившись. И быть может, даже будет счастлива, что умерла.

— Я... разозлилась? Обиделась? Не знаю... все сразу, наверное. Получилось ведь... он бросил меня ради этой твари... он оскорблял, угрожал... и на суде было много всякого, о чем и вспоминать не хочется... а теперь вот... ему нужен был кто-то, с кем он мог бы поделиться страхами.

— И он вспомнил о вас.

— Именно. Ему почему-то казалось, что я выслушаю, как раньше... придумаю что-нибудь, чтобы эти страхи развеять. Мы выпьем чаю... или кофе, поговорим, как цивилизованные люди... посмеемся. А у меня точно горло перехватило. Я только и думала, что он поговорит со мной, успокоится и пойдет к ней... ее он волновать не хотел.

Хриплый смешок, судорожный.

— И я ему сказала, что... что если что-то мерещится, то ему надо к другому врачу обратиться. К психиатру... зло сказала, а он удивился. Как это так... я ведь всегда была рядом, слушала, помогала... да, он ушел к другой женщине, но это не повод отказывать ему в такой малости... мы не разругались. Я поняла, что просто не выдержу еще одной ссоры. Встала и ушла. А он... он остался.

Она попробовала чай и пожаловалась:

— Горький.

— Это ведь не все?

Ольга покачала головой:

– За два дня до смерти Олег позвонил. Голос у него был такой... странный... он просил прощения. За все. Сказал, что был не прав, что... что он меня все еще любит, но вернуться не имеет права... он все повторял, что призрак придет за ним... а я... я ведь ждала, чтобы он сказал... про ошибку, и про то, что любит... а тут услышала и... и ничего не ответила. Надо было сказать... он ведь не дома умер.

– А где?

– В гостинице. У нас есть неплохая гостиница. Олег снял номер. Как она уехала, так и снял, не мог находиться дома... это он мне по телефону... если бы я приехала... если бы переступила через свою гордость.

– Чай пейте.

Далматов мог бы сказать, что вряд ли многое изменилось бы, разве что мертвецов было бы двое. Она послушно отхлебнула из чашки.

– Я... я вдруг поверила, что он вернется... многие ведь возвращаются... это только иллюзия, будто любовница лучше... на самом деле старая жена знает твои привычки, а ты – ее... и вообще вы, двое, сжились, притерлись друг к другу, понимаете без слов.

Она повернула чашку рисунком к себе.

– Олег привез. С конференции... Брюссель... я хотела поехать, но с ангиной свалилась. Он же привез, нашел в одном магазинчике и вот... решил, что мне будет приятно. Он всегда привозил маленькие сувениры, даже когда в соседний

городок отправлялся. Говорил, что печаль расставания надо стирать радостью новой встречи. Ему помощь нужна была... по-настоящему нужна... а я... во мне вдруг гордость разыгралась... почему это я должна прощать сразу? Я ведь собственную жизнь почти выстроила заново... и теперь опять. Я ответила ему, что... что он сам во всем виноват. Хотелось, чтобы перезвонил, перезванивал раз за разом, умолял... не чтобы его унижить, а... а простить нелегко... и я уже простила, но признаться в этом самой себе? Увольте...

Ольга вздохнула:

– Сколько раз я себя кляла, что не бросила все, не сорвалась к нему... не забрала из той гостиницы... дома ему стало бы легче. Да и «Скорую» вызвала бы... или... ведь я все-таки врач, знаю, что такое предынфарктное состояние. Я бы сумела... предотвратила...

– Вряд ли, – спокойно ответил Далматов, и она вздрогнула, едва не выпустила чашку из рук.

– Я бы...

– Вы бы ничего не сделали. – Он поднялся. – Если вещь хочет убить, она убьет.

– Вы это... серьезно?

– Вполне. Я понимаю, что ваше рациональное мышление не позволяет верить в...

– Чертовщину?

– Именно. В чертовщину, но мой жизненный опыт говорит мне, что некоторые вещи обладают весьма скверным ха-

рактором. В лучшем случае они приносят хозяевам мелкие неприятности, в худшем... в одном симпатичном английском трактире имеется кресло, которое, если верить хозяевам, принадлежало Томасу Басби. Его повесили в начале восемнадцатого века. Но перед казнью он успел проклясть кресло.

– Все, кто присядет, умрут? – поинтересовалась Ольга с кривоватой улыбкой.

– Именно. 1967 год. Двое молодых летчиков решили доказать всем, что в проклятье не верят. В тот же день разбились.

– На самолете?

– На машине. Не справились с управлением и слетели с трассы, но это не столь важно. Тот же год. И бравый сержант скоропостижно скончался через три дня после знакомства с креслом...

– Совпадение.

Далматову нравилось, с каким упорством люди отрицали очевидное. Им всем так хотелось верить в рациональность своего мира, что это заставляло их вновь и вновь выдумывать объяснения тому, что в объяснениях не нуждается.

– Год 1973-й и строитель, сорвавшийся с лесов спустя час после посещения трактира. К этому времени кресло уже убрали из общего зала... год 1984-й, уборщица, случайно присевшая... рак мозга. Тогда же – рабочий и провалившаяся крыша... чуть позже – разносчик пиццы, которого сбил

грузовик. Девушка, разорванная стаей бродячих псов...

– Прекратите!

– Как скажете... за этим креслом тянется череда смертей. Сейчас оно в музее, закреплено в полутора метрах над полом, во избежание, так сказать, прецедентов. Всегда находятся те, кто готов доказать, насколько они не верят во всякую, как вы изволили выразиться, чертовщину.

А ведь глаза ее ожили.

И теперь Ольга следила за Далматовым, подмечая каждый его жест.

– Есть зеркало, которое убивает... но в отличие от кресла, поймать его нелегко. В последний раз оно исчезло из хранилища улик французской полиции. Есть проклятые картины... и куклы... вещи, история которых задокументирована.

– И вы думаете...

– Два самоубийства и инфаркт – не то совпадение, в которое я готов поверить. – Далматов забрал чашку. – Идемте. Вам надо поспать.

– А вы...

– Наведаюсь в гостиницу... а еще не могли бы вы дать номер Надежды. Той, которая судья...

Ольга подчинилась.

Она чувствовала, что засыпает, что держится лишь чудом, и мечтала об одном, чтобы этот странный гость, который вел себя в ее доме по-хозяйски, отстал.

Пусть едет в гостиницу.

И к Надежде.

А Ольга так давно не спала...

Далматов проводил ее наверх, помог лечь и туфли стянул.

– Завтра, – пообещал он. – Мы поговорим обо всем завтра...

Ольга кивнула и закрыла глаза.

Гостиниц в Вилуничях было всего три, и если первые две ютились на окраинах и являли собой весьма печальное зрелище, то «Родион» располагался в центре города. Окна его выходили на площадь, ныне серую, запыленную. Шел дождь, и памятник Ленину мок, и сам вождь выглядел печальным, простуженным.

Портье скучала.

Листала глянецовый журнал, косилась на телевизор – на экране мелькали яркие пятна рекламы. Позевывала. И Далматову обрадовалась, впрочем, радость продлилась недолго. Узнав, о чем речь идет, портье поскучилась: все же труп в номере хоть и был новостью, но отнюдь не той, о которой следовало распространяться.

– Не велено, – буркнула она, вновь склонилась над журналом.

– А если так? – Далматов положил на стойку пятитысячную банкноту.

– Не здесь. – Она покосилась на часы. – Кафе напротив. Через час. Смену сдам и...

– И номер осмотреть...

Ключи она сняла.

– Три тысячи в кассу, оформлю на проживание.

Деньги Далматов выложил без возражений. В конце концов, заказчица возместит.

Номер был... обыкновенным гостиничным номером. Далматов закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на ускользающем ощущении... иного?

Пожалуй, что так.

Иное.

Холод. Не тот, который от окна, окно пластиковое, закупорено намертво, с такого не сквозит, но холодок есть поземкой по полу. И мурашки по спине, и желание убраться немедленно... но Далматов не собирается уходить.

Он, конечно, не особо чувствителен и даже в чем-то толстокож, но фонит здесь знатно.

Откуда?

Отовсюду.

И ниоткуда конкретно.

Значит, что бы это ни было, его убрали. Конечно, кто оставит столь ценную вещь без присмотра... и одно не понятно: как она сама не боится?

Или знает условие.

Далматов открыл глаза. Он стоял у окна. Пятый этаж всего... пяти этажей хватит. Всего-то надо, что забраться на подоконник и шагнуть вниз. Все проблемы исчезнут ра-

зом. И это ведь чудесно, не так ли?

– Не так, – ответил Далматов и сделал шаг назад.

На всякий случай.

Условие всегда существует. Девчонка определенно знает... пользуется...

Он кинул взгляд на часы, с неудовольствием отметив, что прошел почти час, а он, Далматов, и не заметил. Бывает.

Но уходить надо.

Портье ждала в кафе, сидела, ерзала, явно нервничала.

– Как вам номер? – поинтересовалась она первым делом.

– Пригласите священника. – Далматов сел. Ему было холодно, и мысли в голове вертелись дурные. О сумке. О том, что из окна шагнуть – это болезненно да и ненадежно. То ли дело яд. Пара капель в сок и вечный сон, спокойный, счастливый даже. – Иначе будут проблемы.

– Девочки убирать не хотят, – пожаловалась женщина. Без панциря формы она выглядела старше.

За сорок. Худощава. Нервозна. Из тех, которые вечно обо всем переживают, даже о том, что совершенно их не касается.

– Говорят, что им беспокойно... будто следит кто... смотрит... и шорохи... у нас мышей нет, а тут шорохи... я и сама теперь... я не верю во всякое такое...

– Позовите священника, – повторил Далматов. – Только нормального... настоящего священника, если понимаете, о чем я.

Она кивнула.

Понимает.

Эта – не из рационалистов, она готова верить и в призраков, и в мстительных душ.

– Вы... вы случайно не...

– Не священник. – Далматов хмыкнул: странно, обычно люди чувствуют, что Далматов и святость – понятия несовместимые. – Но меня пригласили разобраться.

– Жена?

– Жена. Приходила?

– Меня Настей звать, – представилась портье. – И вы бы поели, а то бледный совсем... у меня дочь-диабетик, но такая бестолковая, совсем не следит, что ест... а ведь это опасно. И как пропустит завтрак, то потом плохо... прям как вам. Поешьте. Здесь очень хорошо готовят.

Совет стоил того, чтобы им воспользоваться.

Не то чтобы Далматов был голоден, скорее должен был бы быть, но в последнее время некоторые ощущения, обыкновенные по сути своей для каждого человека, притупились. И голода он не испытывал, как почти не испытывал и жажды.

Не чувствовал холода или жары.

Вряд ли это было нормально, но Далматов вновь кривил душой, позволяя себе не обращать внимания на этикие неудобства. Да и неудобства ли?

Он заказал комплексный обед, как и Настя, которая с превеликим вниманием разглядывала тарелку с борщом.

Тот был наваристым и пах аппетитно, но – очередная несуразность – вкуса его Далматов не ощутил.

– Я сразу поняла, что от него проблемы будут. Знаете, я двадцать лет в гостиничном бизнесе. Сначала горничной была, а теперь вот... у нас в городе работы немного, а хозяин платит хорошо. И премии, и от постояльцев порой перепадает. Гостиница-то дорогая... и люди в ней останавливаются... всякие люди останавливаются. На иного бывает взглянешь и сразу понятно – жди проблем... или напьется, скандалить будет, или девок гулящих наведет... а потом будешь чистить ковер от блевотины... есть такие, которые дозу примут... а этот вроде тихий.

– Олег? – Далматов водил по красной поверхности борща ложкой, размазывая сметану.

– Олег... паспорт дал... а я по регистрации вижу, что местный он. И живет недалеко. Зачем местному гостиница? Разве что налево пойти. Это тоже, конечно... мы теперь не обязаны спрашивать о регистрации брака, но кому скандалы нужны? Прибежит жена или теща, начнут отношения выяснять, волосы драть... полиция... я бы отказала такому. Но гостиница полупустая стоит, и хозяин о сокращении поговаривает... один человек, конечно, ничего не решит...

Она тяжело вздохнула.

– Я ему предложила люкс, он согласился... у него такой вид был, словно... не знаю, болезненный, что ли? Я еще спросила, не нужен ли врач, а он засмеялся так, ненормально

так засмеялся, и ответил, что врач ему не поможет.

Борщ вдруг обрел вкус, резкий, если не сказать, неприятно резкий и Далматов с трудом удержался, чтобы не выплюнуть то, что не успел проглотить.

– Он к себе в номер ушел, заперся... знаете, а ведь он без вещей... то есть паспорт был... и еще сумочка маленькая, такая, мужская... ключи в ней... помню, он пытался бумажник достать, а тот за что-то зацепился. Он дергал, дергал, а потом сумочку эту просто перевернул над стойкой, и все вывалилось.

– Что именно? – Далматов подался вперед.

Настя нахмурилась.

– Бумажник. – Она перечисляла, загибая пальцы. – Ключи... целая связка... и еще таблетки... не помню какие... и визитница, но пустая... я удивилась, зачем визитница, если она пустая...

Бумажник?

Или визитница, которая пустая... нет, ненадежно, да и деньги – не та вещь, которую легко проклясть, слишком обезличены.

Ключи?

– Брелоки были?

– Были, – кивнула Настя. – Три целых, один от машины, такой, знаете ли, со знаком «Вольво»... второй – открывалка для пива... и еще один, забавный такой паучок...

– Паучок?

Она кивнула.

– А можно подробней?

– Просто паучок... я еще подумала, что он очень женский.

– Почему?

– Ну... с камушками, как брошка... дочь вечно журналы приносит всякие, «Космо»... «Вог»... и другие... там рекламы много и всякие ювелирные штучки... мне показывает... думает, я не понимаю, на что намекает... понимаю прекрасно, да только откуда у меня на такое деньги? Эти штучки пусть и не золото, но стоят... этот мир с ума сошел.

Рыбная котлета и пюре.

Пюре водянистое, расплзается по тарелке, и Далматов получает своеобразное удовольствие, размазывая его тонким слоем. Есть совершенно не хочется, более того, сама мысль о еде вызывает тошноту.

– А паучок... он не сказать, чтобы маленький... такой вот... аккуратненький. Черный и с камушками черными, только глаза желтые...

Любопытно.

– И что было дальше?

– Ничего... я его к номеру проводила. Ключи выдала, порядок объяснила. Он слушал вполуха, а потом спросил, не знаю ли я, до которого часа церковь работает. Я сказала, что не знаю... ушла. Знаете, сейчас думаю и понимаю, мне было неприятно с ним рядом быть... вот нормальный же человек... не пьяница... и не хам, наоборот, очень вежли-

вый... а я стояла и просто хотелось бросить все и сбежать. И сбежала... ушла к себе.

— А он?

— В номере остался, не выходил больше. И сменщица моя сказала, что видела его, спускался, чтобы поесть. Ей показалось, что он пьет, ну да это не наше дело совсем, пока в номере порядок. А горничная говорила, что порядок полный... кровать и та не расстелена. В кресле он спал, что ли?

Или вовсе не спал.

Если чувствовал близость смерти. Боялся? Наверняка. Потому и спрашивал про церковь. Успел ли побывать? Если и успел, то его это не спасло.

Паучок...

— А потом я уже на смену опять заступила... и горничная его нашла. Пришла номер убирать, а он лежит. Ох, хозяин ругался... а мы что? Я ж не доктор, чтобы определить, кого там инфаркт разобьет. У меня вон у самой брат, тридцать только исполнилось, пошел с друзьями на рыбалку, а оттуда и сообщили...

Она сгорбилась.

И сразу сделалась старше.

— Вы... вы не подумайте, я ведь... я ведь понимаю, что не должна о таком рассказывать, только... у меня дочка-подросток. Ей хочется... жить хочется, чтобы не хуже, чем у одноклассниц... вы ведь в газете своей не напишете про меня?

– Не напишу, – искренне ответил Далматов. – Я не из газеты. Детектив. Частный.

– От жены... которая вторая.

– А первую видели?

Настя скривилась.

– Финтифлюшка... заявила вся такая... начала требовать, чтобы я ее в номер провела. Я провела... она там все на карачках ползала, искала что-то, а потом орать стала, что у нас в гостинице ворье одно работает... что она пожалуется хозяину и нас всех уволят...

– Что искала?

– Ключи, – ответила Настя и взгляд отвела. – Я не брала их... мне Галка принесла... горничная наша... они лежали под кроватью... мужик их выронил, наверное... я и оставила на хранение...

...а если бы за ключами не явились, взяла бы брелок.

Черный паучок с желтыми глазами. Вот почему она его так хорошо рассмотрела, небось уже примерилась, посчитала своим.

– Если бы она нормально объяснила, что ей нужно, я бы отдала.

В голосе Насти звучала обида.

– А она давай кричать... сама вся такая... слов не хватает. Глянцевая... нет, потом когда уже разобрались, то денег кинула... как собаке кость... и усвистала... сразу видно было, что по мужу она горюет.

Настя фыркнула:

– Потом уже и вторая заявила... Ольга... она-то и рассказала... бедная женщина... Мужчинам не понять, каково это... живешь, годы жизни положишь и радуешься, что вот оно как получается хорошо... а потом вдруг раз и все, и нет до тебя никакого дела... мои-то подруги многие вот так... мужику что? Ускакал к какой-нибудь там... грудастенькой и молоденькой, и чувствует себя орел орлом, а женщина остается. Стареем мы рано... и потом уже не живем – доживаем... а вокруг еще твердят, что сами виноваты. Неправедливо это...

Ольгу она пожалела искренне.

И небось рассказала ей и про номер, и про ключи... про паука? Нет, если Ольга задала бы вопрос прямо, то Настя не стала бы обманывать. Но вряд ли Ольга интересовалась пропавшими ключами... да и легко объяснить, скажем, было в связке что-то и вправду важное, к примеру, ключ от сейфа...

Нельзя заикливаться на одной версии.

– Спасибо. – Далматов оставил нетронутую котлету и размазанное по тарелке пюре. – Вы мне очень помогли...

Настя кивнула.

Она так и осталась в кафе, сидела, уставившись на скатерть. Думала о тяжелой женской судьбе...

Надежда оказалась иной.

Горе ее иссушило, состарило, сделало некрасивой, хотя и в молодости эта женщина с крупными тяжелыми чертами лица вряд ли была красавицей.

— Не понимаю, чего вы хотите? — хрипловатый прокуренный голос.

Запах табака, насквозь пропитавший и одежду, и волосы, и саму ее.

— Хочу выяснить, что произошло...

— Выясняли...

Она встретила с Далматовым, сделав ему одолжение, об этом читалось в каждом ее жесте, в каждом взгляде. Вот только он умел читать за взглядами и жестами.

— И вы верите, что ваш сын покончил с собой?

— В самоубийство поверить проще, чем в роковое проклятье...

— Вам о проклятье Ольга сказала?

— Одна из версий. Ей нелегко смириться... она и вправду любила мужа. — Надежда курила, прикуривая сигарету от сигареты, и дым глотала, пытаясь им напиться.

— Хорошо... а если не проклятье, но, скажем, яд? Редкий яд... к примеру, хроническое отравление ртутью вызывает у человека резкие смены настроения. Приступы ярости. Страх. Боязнь света... это в качестве примера, ведь ртуть легко обнаружить. Существуют куда более... экзотичные вещества. Как правило, органического происхождения... животные яды или растительные, быстрые и медленные... спо-

собные затуманить разум... или разум подчинить. Вообще разума лишить...

– Ее ведь не было...

– Не было, – согласился Далматов. – Это и удивляет. Три смерти, и все три раза у вашей бывшей невестки алиби. Но яд не обязательно убивает немедленно. Дни, недели, порой и месяцы требуются, чтобы человек погиб, а смерть его выглядела естественной.

– То есть эта девка месяцами могла опаивать моего сына?

– Опаивать? Не обязательно. Да, как правило, отравляющее вещество принимают перорально, но... есть яды, которые вдыхают. Кстати, не так их и мало, есть те, которые проникают сквозь кожу... вы себе не представляете, какое количество ядов существует. Да, если бы вашего сына отравили мышьяком, вы бы обнаружили это, но что-нибудь более экзотическое... редкое...

Надежда сигарету не затушила, размазала по дну пепельницы.

Отвернулась.

И заговорила не сразу:

– Он был хорошим мальчиком. Послушным. Не думайте, что я подавляла его волю или... в отца пошел. Спокойный... даже порой слишком спокойный... я вскипаю быстро, но и остываю тоже быстро... а он... я была знакома с его невестой. Милая девочка... мы бы поладили. Я не собиралась вмешиваться в их жизнь. Меня и собственная впол-

не устраивала... а тут он говорит, что свадьбы не будет... то есть будет, но с другой. Понял, что Настеньку он не любит, зато любит Варвару, привел знакомиться. Я сразу поняла, что она – тварь... жаль, не поняла, насколько тварь... я пыталась его образумить. Умоляла погодить, мало ли, вдруг через месяц-другой он осознает, что и здесь совершил ошибку, что Варвару тоже не любит...

– Не согласился?

– Нет. Упрямый... в отца. Я пыталась поговорить с ней. Видела ведь, что не любит.

Пепел падает на черные брюки, но Надежда не замечает, она вообще мало что замечает вокруг, и свидетельством того – вазоны с засохшими фиалками. Их давно пора было бы убрать, но они стоят на подоконнике...

Иногда, быть может, Надежда поливает цветы.

Пыль с подоконника протирает по старой привычке убираться по субботам.

– Она не согласилась?

– Посмеялась надо мной. Сказала, что ничего-то я не могу сделать... я отправилась к ее родителям... странные люди. Не захотели даже разговаривать... только женщина все лепетала, будто бы Варвара – хорошая девочка... и на похороны не пришли. Она вот явилась, в черное вырядилась... стоит у могилы, к глазам платочек прикладывает, а сама на людей смотрит... высматривает... у нашей семьи было много знакомых... среди них она нового супруга и нашла... я Якова

предупреждала, что с девчонкой не все гладко. Но он и слушать не захотел. Это как... безумие? Безумие, которое разней гриппа.

Она рассмеялась от такого предположения и привычно мазнула ладонью по сухим глазам.

– Разучилась плакать. Сначала все поверить не могла, что его нет... кажется, вот позвонит... он звонил каждый день... пока не поссорились... его девка хотела, чтобы я переехала в Андрюшину квартиру, а сама... я ведь старая уже, мне много не надо...

– А ваш муж...

– Умер. К счастью, умер за год до этой истории. Сердце прихватило. Мы всегда знали, что у него сердце слабое, берегли, как умели... он долго прожил и был счастлив. Мне хотелось бы верить, что был... легче вот как-то. Я тоже скоро умру.

Она произнесла это со спокойной уверенностью человека, который точно знает, что говорит.

– А ваш приятель...

– Он попивал, это правда. – Надежда вытащила новую сигарету. – Знаю, что дурная привычка... бросаю... пытаюсь бросить, но вот как-то оно...

– Не выходит?

– Не выходит. Или плохо пытаюсь... или вот все равно... меня пугать нечем. Но Яков... веселый был... мы с ним учились вместе... но он в бизнес ушел. Что-то даже получа-

лось... женат был дважды... а эта тварь – третья. Он, верно, решил, что если разлюбит, то разведется, но она не отпустила... в одном просчиталась.

Губы Надежды тронула мстительная улыбка.

– Яков завещание составил, давно, еще когда с Маринкой жил, это первая его. Она помогала бизнес подымать, и Яков был благодарен... да и парень у них с Маринкой родился. Яков его любил, хотя отец из него был аховый... но завещание составил... вот и осталась Варечка ни с чем... не знала она... попыталась опротестовать...

– Вы судья.

– Не я разбираю это дело.

– Ваш знакомый...

– Знакомый, знакомая... приятель... услуга за услугу... нет, не подумайте, все было по закону. Здесь у меня принципиальная позиция. Но многие законы оставляют свободу для маневра. Девушка, конечно, грозила апелляцией... только грозила... снова замуж вышла... и потом я Оленьку встретила. Совсем еще девочка... знаете, иногда у меня появлялась мысль найти кого-нибудь... не для мести, нет. Чтобы остановить Варвару... не знаю, как она это делает... проклятье, в которое Оленька верит... яд, как вы говорите... излучение... или еще что-то, но она убивает. А раз так, то следует убить ее. Правда, это будет совсем не по закону, зато вполне по справедливости.

Надежда замолчала.

– Скажите, а она делала вашему сыну подарки?

– Подарки? Да... наверное... туалетная вода... очень мерзкий сладкий запах. Он прежде другой пользовался, и я спросила, что изменилось. Оказалось, Варенька подарила... запах ему самому не нравился, но как можно было Вареньку обидеть?

– А кроме?

Надежда раздраженно сбила пепел.

– Не знаю! Мы... мы ведь в ссоре были... у меня характер. У Андрюши... а еще она нажаловалась, что я приходила... он перестал звонить... хотя... незадолго до смерти. Дня за три он позвонил. Говорил... я подумала, что он пьян... нет, он выпивал, конечно... молодой парень... на праздники или так мог себе пива позволить, но чтобы до невменяемого состояния... твердил, что она за ним следит. Я спросила, кто она... он ответил, что я дура и ничего не понимаю... трубку швырнул... обиделась, честно говоря... слишком сильно обиделась. А ему нужна была помощь... если бы поехала... если бы увидела его... поняла... быть может, обратились бы к врачу... в клинику... а он в петлю полез. И теперь мне придется доживать, зная, что я не спасла собственного сына.

– Если все так, как я думаю, вы бы его и не спасли.

– Успокаиваете?

– Говорю правду. Галлюцинации или бред – это уже повреждения мозга, и в случае ядов, зачастую необратимые.

– Что ж, буду себя успокаивать этим.

Далматов не поверил. Она не из тех женщин, которые будут себя успокаивать. Напротив, она уже и дело рассмотрела, и признала себя виновной, и приговор вынесла.

Судья.

– Давайте вернемся к вопросу о подарках. Что-то такое, что он носил бы с собой постоянно или почти постоянно... небольшое...

Она покачала головой.

Что ж... придется иначе. И Далматов, помахав рукой – запах сигаретного дыма был иссушающе едким, – спросил:

– А вы не видели паука?

– Паука?

– Брелок. Или подвеску. Булавку для галстука... запонку... что-нибудь в виде черного паука.

Надежда открыла было рот, но нахмурилась.

– А вы знаете, видела... в последний раз, когда они пришли в гости. Андрюша все хотел, чтобы мы нашли общий язык... я же... у меня от одного вида этой стервочки рыжей колики начинались. Хоть и говорила себе, что надо смириться. Ради сына. Если не дружить... я не настолько наивна, чтобы думать, что смогу переступить через себя, то хотя бы без откровенной вражды. Вежливые визиты. Открытки ко дню рождения или новогодним праздникам... и всякий раз настраивалась, но получалось... вспыхивала, говорила гадости... вообще-то я очень и очень сдержанный чело-

век. Профессия обязывает. Кому нужны истеричные судьи.

Новая сигарета.

На бледных губах почти не осталось помады, а вот румянец пылает ярко.

— Но она... она на меня странно действовала... в тот вечер она сказала что-то про квартиру... глупость какую-то, вроде того, что мне одной в четырех комнатах должно быть тоскливо, снова на переезд намекала. Мы Андрюше квартиру справили, но там одна комната всего. Как раз для склочной старухи... и понеслось... но паук... он вытащил связку ключей, огромную такую... я еще удивилась, зачем ему столько ключей? А он взялся объяснять. Два от квартиры. Верхний и нижний замки. Один — от машины... еще два от моей квартиры... от учительской... от кабинета физики... от лаборатории...

Она старательно перечисляла ключи, опасаясь упустить хоть что-то.

— И паук был. Черный. Отвратительный такой... на живого похож. Андрюша рассмеялся, сказал, что я пугливая, а это просто-напросто брелок... ему Варечка подарила... семейная реликвия.

А вот это уже интересно.

— Вы... вы думаете, из-за него?

— После смерти сына вы разбирали его вещи?

Надежда покачала головой.

— Она... привезла мне сумки... сказала, что продает квар-

тиру... я была... знаете, сейчас я бы смогла противостоять... выставить ее прочь с ее смешными претензиями... судиться, я бы выиграла суд... да и квартиру купила Андрюше я до свадьбы... но мне тогда было не до квартиры. Я долго не решалась к сумкам притронуться. Там ведь его вещи... одежда... белье... книги какие-то... ничего ценного, если вы хотите об этом спросить. Она оставила себе все. Мебель. Технику... даже машину... мне было все равно. Я ведь сына потеряла...

Она вытащила очередную сигарету.

– Оленьке пока плохо... потом... боль не уходит совсем, но станет немного легче. Со временем. А вы... если у вас получится доказать, что она убийца...

Доказать – это вряд ли. Далматов никогда не обременял себя доказательствами, да и с законом не особо ладил. Но эта женщина верит в закон и справедливость.

Пускай.

То ее личное дело.

В городке у него оставался еще один адрес. Время было поздним, не слишком подходящим для визитов, но Далматову было глубоко плевать на приличия. Дверь открыла женщина в стеганом халате.

– Доброго вечера. – Далматов сунул ей под нос удостоверение сотрудника полиции.

Удостоверение было хорошим, почти как настоящим.

– Мне надо побеседовать с вами о Варваре...

Женщина тихо охнула и руки к груди прижала... а мужчина, выглянувший на шум, лишь головой покачал. Он был лыс, стар и печален.

– С Варварой что-то случилось?

– Пока нет. – Далматов вошел.

Тесная прихожая. Запах кислой капусты и жареной рыбы. Старые обои. Новый шкаф-купе, который съел половину пространства. В зеркальных его дверях отражались и хозяйева, и сам Далматов, непривычно взъерошенный, мятый какой-то.

– Варечка – хорошая девочка, – залепетала женщина. – Она не виновата!

– В чем?

– Ни в чем. – Женщина торопливо касалась то халата, то волос, то собственного лица. И в движениях ее, излишне суетливых, Далматову виделась попытка скрыть нечто, куда более важное.

– Неужели?

– Чего вам надо? – Мужчина смотрел исподлобья.

– Узнать, что ж так вашей дочери в семейной жизни не везет... и как сделать, чтобы это невезение прекратилось...

– Это... это совпадение. – Женщина беспомощно оглянулась на мужчину. – Скажи им!

– А вы знаете, что Варвара вновь супруга ищет...

– Нет! – Мужчина побелел. – Она обещала...

– Не знаю, что она обещала, но на сей раз Варвара обра-

тилась в агентство, и там ей подыскивали кандидатов...

В прихожую выглянула кошка, трехцветная и желтоглазая, она широко зевнула, потянулась, показывая, сколь смешны ей нынешние заботы хозяев.

У кошек жизнь намного проще.

– Но только состоятельные мужчины не всегда наивны. Я здесь, если можно так выразиться, частным образом. Мой клиент желает разобраться, чем ему грозит эта свадьба...

– Вашему клиенту, – сдержанно ответил мужчина, – лучше подыскать себе другую жену.

– Варвара...

– А вам – уйти, пока я не вызвал полицию. Хотя... полиция с полицией всегда договорится, верно?

Знает.

И про удостоверение фальшивое, и про то, что ничего у Далматова на их драгоценную дочь нет...

– Что ж, если вам будет угодно. – Илья поклонился. – Но прошу подумать вот над чем. Мой клиент очень не любит, когда его пытаются использовать втемную. Он разозлится, а его злость может быть чревата неприятными последствиями для Варвары.

– Но... – Женщина вертела головой, глядя то на Далматова, то на мужа.

– Хватит, Аня. – Тот не улыбался. – Мы предупреждали... мы просили... и если она так решила, пускай сама разгребает.

ется.

Чудесно.

Но не понятно.

Маргарита смотрела в окно, потому как занятие это, пусть и не самое веселое, все ж было куда интересней каких-то там наук...

Наставник вышел по собственной надобности, строго-настрого велел Маргарите не сходить с места, быть хорошей девочкой и учить псалом.

Псалом она выучила.

Ну почти... на муху отвлеклась, которая медленно, важно ползла по стеклу. За окном же был сад. И солнце. И погода пречудеснейшая, которая так и манила сбежать из тесной комнатухи, которую отвели под класс. Но тогда наставник разгневается и будет грозить адскими карами. О них он знает много и рассказывает охотно, живописуя, как кричат грешники на раскаленных сковородках. Порой после таких рассказов Маргарите снятся дурные сны, но матушка, которой она пожаловалась, не на наставника, на сны, строго ответила, что это из-за того, что Маргарита молится без должного усердия. Вот если бы она усердствовала так, как положено принцессе, тогда и Господь, и Пречистая Дева уберегли бы Маргариту от снов.

Скучно.

Латынь в голову не лезет.

И вовсе мысли не о науке, а о том, что папенька обещал взять Маргариту в путешествие, и даже после смерти его обещание исполнилось.

Жаль, что он умер.

Папенька был добрым и веселым, а вот маменька вечно всем недовольна.

Маменька хотела бы еще одного сына, это Маргарита знала совершенно точно и отчасти завидовала братьям, куда как более обласканным материнской любовью. Впрочем, зависть — не то чувство, которое приживалось в ней. Слишком легка она была, слишком ветрена и в то же время — добросердечна. О том говорили и наставники, и все, с кем Маргарите случалось иметь дело.

Порой ее добросердечие вкупе с легкомыслием оборачивались ситуациями смешными, а то и нелепыми, к вящему неудовольствию матушки. Маргарита подозревала, что она, женищина, которую велено было любить и почитать, с превеликим удовольствием оставила бы дочь в Амбуазе на всю ее недолгую жизнь, а то и после.

Нет, в Амбуазе ей было неплохо.

Напротив даже, в Амбуазе Маргарите жилось куда как вольней, нежели в скучном Париже. И друзья имелись, которых она любила всем сердцем, особенно после того, как папенька предложил выбрать себе в услужение или герцога Жуанвильского, или маркиза де Бопро. Как же он удивился, когда Маргарита выбрала де Бопро, потому как по-

лагал, что тот не очень собой хорош.

Истинная правда!

И уже тогда при взгляде на дорогого принца детское сердце Маргариты замирало, тронутое неведомым чувством. Он, белокурый и синеглазый, прехорошенький, как все картинные ангелы, был чудом, но чудом капризным, своевольным. И вечно норовил сделать именно так, как хочется ему, а не Маргарите. А де Бопро пусть и смугл, черноволос, но послушен.

И влюблен в Маргариту.

Он сам ей сказал, а еще поклялся служить вечно...

Маргарита вздохнула, по своему верному пажу она тосковала, впрочем, как и по нянечке, по слугам, по старым псам, с которыми она любила играть, но матушка сказала, что брать с собой еще и собак – никак невозможно...

Маргарита вздохнула и отвернулась от окна.

Вспоминать о матушке не хотелось вовсе, но не вспоминать не получалось, потому как все путешествие, первое и чудеснейшее в жизни Маргариты, всецело было связано с ее именем, с ее образом, затмевавшим в глазах подданных и фигуру отца.

Он, единственный из семьи, кто искренне любил свою принцессу, всегда готов был выслушать ее, жалобы, обиды принимал близко к сердцу, погиб.

Маргарите сообщили о том, но она долго не могла поверить.

И требовала сказать правду.

Как возможно, чтобы отец, ее отец, который умел смеяться так громко, что пламя факелов дрожало, и стены пиришественной залы дрожали, и сам древний замок тоже дрожал, погиб? Он был сильнее всех, лучше всех...

И обещал, что всегда будет с нею.

Солгал.

Нет, Маргарита, позже, став взрослей, осознала, что в смерти отца не было виновных, что сама судьба подготовила тот предательский удар, но стало ли ей легче?

Ничуть.

В Амбуазе, довольствуясь слухами, сплетнями, в которых если и была правда, то малая ее толика, шептались и о том, что матушка тотчас отослала прекрасную де Пуатье, так и не простив супругу этой измены, и власть взяла в свои руки, пусть и готовили к коронации Франциска. Он был так слаб, болезнен, что никто не удивился, когда Франциск умер. И королем назвали уже Карла. Но он, матушкин любимец, всегда делал лишь то, что она говорила... и средь этих перемен, которые многими принимались как недобрые, сама Маргарита терялась. Она не знала, что будет с нею, и никто не знал, и незнание это страшило. Но вот в Амбуазе появилась матушка, которая и объявила об отъезде.

– Наши подданные, – сказала она, – должны узреть нового короля.

Она пребольно ущипнула Маргариту за щеку.

На щеке остался красный след.

– Веди себя хорошо. Не забывай, что ты – принцесса.

Отъезд остался в памяти невероятнейшей суматохой, среди которой все будто позабыли о Маргарите, предоставив ее самой себе, что было внове и неприятно. И лишь в день отъезда, оказавшись в экипаже с матушкой, Маргарита осмелилась обратиться к ней.

– Куда мы едем? – спросила она.

– В Бар-ле-Дюк, – ответила матушка, которой вовсе не хотелось разговаривать, она пребывала в собственных мыслях, несомненно, важных, но оттого гляделась мрачной. – Тебе понравится.

Матушка оказалась права: Маргарита, до сего дня не покидавшая Амбуаза, была увлечена путешествием. Ее поражало все, и сама дорога, по мнению королевы-матери дурная, вызывавшая у нее приступы дорожной болезни, и городишки, попадавшиеся на пути, и люди. Живость дочери, ее неумное любопытство, тысячи вопросов, которые задавала Маргарита, постоянно забывая про матушкину просьбу о молчании, утомляли королеву.

Сама же Маргарита, получая замечания, печалилась, но печаль ее не длилась долго. И Маргарита вновь и вновь находила нечто чудесное, чем желала бы поделиться... когда же она добралась до Бар-ле-Дюка, то была совершенно поражена его великолепием и тем, как обставлены были

крестины ее племянника, принца Лотарингского.

— Великолепно! — восхищалась Маргарита, пожалуй, чересчур уж восхищалась, выражая собственные эмоции с непозволительной вольностью. И королева морщилась, утомившись одергивать дочь, которая, казалось, не имела ни малейшего представления о правилах приличия.

В Лионе столь же бурный восторг у Маргариты вызвал приезд месье и мадам Савойских, в Байонне — встреча ее драгоценной сестры, королевы Испании, и брата, короля Карла... пусть и был он братом Маргариты, но держался сухо, отстраненно, будто вовсе чужой человек. И сама Маргарита несказанно робела, глядя на него, столь величественного и прекрасного.

Но сильнее прочего незрелую душу ее, не избалованную зрелищами, тронуло превосходное пиришество с балетом, устроенное матушкой на острове Дегмо.

Впрочем, день этот принес не только радость. Пожалуй, именно тогда Маргарита поняла, сколь ничтожно мало значит ее жизнь.

В тот день Маргарита, пусть и имела привычку оставаться в постели допоздна, вскочила едва ли не раньше служанок, из страха, что пропустит сие представление. Или что его отменяют из-за дождя... Не отменили.

День выдался солнечным, ясным и теплым, но не жарким. Остров Дегмо, куда гостей доставили на барже, украшенной лентами и цветами, был невелик. Однако казалось,

что сама природа его располагала к празднику: посреди острова находился большой луг, который окаймляла сосновая роща. На этом лугу по матушкиному приказу устроили беседки, а в каждой из них – круглый стол на двенадцать персон. Только стол их Величеств располагался на зеленом газоне. Все столы обслуживались группами пастушек, на которых были одежды из сатиновых с золотой нитью тканей – в соответствии с обычаями различных провинций Франции. Каждая группа пастушек исполняла танец своей провинции: пастушки из Пуату танцевали под звуки вольнки, из Прованса – под цимбалы, пастушки из Бургундии и Шампани – под гобой и скрипки. Бретонки танцевали веселый бранль, приостукивая каблуками.

И Маргарита тоже желала танцевать, однако матушка, строго глянув, велела вести себя так, как подобает принцессе. И брат, окинув Маргариту недовольным взглядом, будто своим присутствием она мешала ему насладиться празднеством, сказал:

– Вы слишком вольно себя ведете, сестра.

Маргарита едва не расплакалась от обиды, ведь ей так хотелось понравиться брату...

Когда пиршество закончилось, появилась большая группа музыкантов-сатиров и нимф, девушек невероятной красоты... и Маргарита спросила:

– А я буду такой же красивой? – До того дня все, с кем случалось ей говорить, включая зловредного принца Жуан-

вила, так и не простившего Маргарите, что выбрала она не его, уверяли, что она рождена красавицей и с каждым днем ее красота становится лишь ярче. И ныне ей отчаянно хотелось, чтобы и матушка, и строгий брат улыбнулись и сказали, что Маргарита непременно будет такой же, как сии нимфы, а то и прекрасней, потому как она – принцесса.

Однако матушка сказала:

– Ты не о том думаешь, Маргарита. Красота преходяща.

Сама она, если и была когда-то красива, после многочисленных родов, а также от излишеств в еде красоту утратила. Матушка, будучи невысокого роста, сделалась полна и одышлива. Она сильно потела, и самые лучшие ароматические масла, которыми она щедро умащала волосы, кожу, не способны были заглушить запах пота. Пышные платья делали матушкину фигуру еще более безобразной, чем то напоминающей пивной бочонок.

– Какая разница, – отмахнулся братец, увлеченный чудесным танцем.

И верно, сей вечер мог бы стать вовсе огорчительным для Маргариты, но вдруг начался дождь. Потoki воды хлынули с неба, еще недавно чистого. Блеснула молния, потом другая, заглушая музыку, грянул гром... порыв ветра едва не опрокинул стол...

Кто-то закричал.

Завыли псы.

И стало так темно... Маргарита боялась темноты... она так боялась темноты, что сама не поняла, как оказалась под столом. Кругом же гремело, кричало... метались тени, представлявшие Маргарите едва ли не бесами, что вышли из преисподней, чтобы утащить ее, своевольную себялюбивую девицу с собой.

От страха она заплакала.

И плакала, казалось, целую вечность, звала матушку, брата, кого-нибудь... она почти поверила, что навсегда останется в ненадежном своем укрытии, когда кто-то огромный, и в первое мгновение показавшийся Маргарите ужасным, вытащил ее из-под стола.

Маргарита закричала.

— Она здесь! — Голос, в котором не было ничего человеческого, оглушил. — Принцесса здесь!

И только тогда Маргарита осознала, что держит ее во все не бес, не сказочное чудовище, а обыкновенный человек, стражник из тех, которые повсюду сопровождали матушку, брата. Она вновь расплакалась, на сей раз от величайшего облегчения. И плакала, вздыхая, размазывая слезы, пока ее несли на баржу, где передали на руки служанкам матушки.

Та была в ярости.

— Посмотри, Маргарита, на кого ты похожа! — Она отвесила дочери пощечину. — Ты выглядишь как свинарка, а не как принцесса!

Маргарита разрыдалась, не столько от боли, хотя пощечина была болезненной, сколько от невероятного огорчения. Ей-то представлялось, что матушка волнуется.

Переживает.

И мечется, спрашивая всех, где же Маргарита. И что появлению ее, чудесному спасению от грозы, она обрадуется. Быть может, обнимет, сбросив маску равнодушия, и погладит по спутанным волосам, скажет, что ничего страшного не случилось...

Действительность редко соответствовала ожиданиям Маргариты.

Пожалуй, именно тогда она осознала, что матушка ее не любит.

И Маргарита самозабвенно рыдала, пока лицо ее не опухло от слез, а голос не сделался сиплым, старушечьим.

— Выглядишь отвратительно, — брезгливо произнесла матушка, которая заглянула, чтобы проверить, как исполняются ее приказы. И служанки, страиась гнева королевы, злопамятности ее, низко склонили головы. Но во взглядах их Маргарите виделась насмешка. — Ты позоришь весь наш род...

И матушка вышла, оставив Маргариту наедине со слезами и ночными кошмарами.

Ей снилась гроза. И теперь молнии, все, какие были на низком небе, летели к ней, желая уязвить, испепелить. Черная же земля раздавалась, выпуская кривоватые, искажен-

ные фигуры, не то людей, не то демонов. Они тоже желали схватить Маргариту...

Проснулась она больной.

И остаток пути, к вящему матушкиному неудовольствию, провела в постели, почти не вставая. Матушка, которая испытывала лишь раздражение – дочь всегда была чересчур капризна, своевольна, – заглядывала ежедневно, желая убедиться, что болезнь ее – не есть притворство.

В Париже Маргарите стало легче.

Ее несказанно удивил, поразил этот город, о котором ей столько доводилось слышать, что от отца – а рассказывать он умел, не важно, о балах ли, о турнирах; что от служанок. Они о Париже говорили шепотом, с придыханием и восторгом...

И Маргарита глядела.

На узкие улочки, с трудом уместившие толпу – все желали воочию узреть короля, королеву-мать и саму Маргариту. И люди эти любили ее!

Она чувствовала их обожание всей кожей.

Она купалась в нем, оживая, как оживает завядший цветок, получив столь желанную ему влагу. И на губах Маргариты вновь появилась улыбка. Приветственные крики оглушали ее, и голоса толпы сливались в гул, мешались, отчего казалось, что все эти добрые люди зовут именно ее.

Ей признаются в любви.

Правда, в самом дворце все было иначе. Огромный Лувр

очаровал Маргариту, она видела его не домом, а живым существом, исполненным любопытства. Лувер приглядывал за всеми своими обитателями, коих было превеликое множество, и Маргарита не избежала его интереса. Впрочем, девочку, только-только вступившую в тот хрупкий возраст взросления, когда в детском теле уже просыпается женская душа, он счел мало интересной.

Матушка же, оказавшись в своих владениях – а Лувер она полагала законной своею вотчиной, – преобразилась. Исчезла улыбка, которая на полном лице ее казалась ненастоящею, а само это лицо обрело выражение брюзгливое, раздраженное. Голос сделался скрипуч.

А взгляд – холоден.

– Веди себя достойно, – сказала матушка, передавая Маргариту на руки служанкам. Нынешние, в отличие от прежних, помогавших Маргарите в пути, были столь же холодны и преисполнены чувства собственного достоинства, будто были и не служанками, а родовитыми господами, ей не понравились. Как и она им.

Служанки, прожившие во дворце не один год, разбиравшиеся в хитросплетениях местных интриг едва ли не лучше, нежели сами интриганы, живо сообразили, что Маргарита – слаба. Безразлична и матери своей, более занятой попыткою удержать власть, и царственному брату. Служанки сплетничали о католиках и гугенотах, о любовниках и любовницах, фаворитах и фаворитках, спеша поделиться

последними новостями. Маргарита мешала... она была тиха, ненавязчива, но то, что им выпало служить ей, приводило их в величайшее раздражение. И раздражение это женщины, недостаточно обласканные судьбой, по их собственному мнению, спешили выместить на Маргарите. Расчесывая, они дергали волосы, порой выдирая целые клочья, щипали, толкали, затягивали шнуровки платьев так, что Маргарита едва могла дышать...

Она терпела.

Она жаловалась матушке, но та вновь отмахивалась от жалоб, говоря, что Маргарите не след тратить драгоценное ее время на пустяки... что ж, признаться, девочка ничего другого и не ожидала. Она принимала холодность матушки с дочерней покорностью.

Время шло.

Маргарита выросла.

Ее по-прежнему мучили кошмары, к которым она постепенно привыкла, как привыкла к материнской нелюбви и равнодушию людей, ее окружавших. И теперь главным врагом ее стала скука. Она была слишком мала, чтобы получать удовольствие от интриг или же игры во власть, что являлось обыкновенным времяпрепровождением для обитателей Лувра, также и многие другие развлечения оставались Маргарите недоступны.

Она и знать о них не знала, запертая в своих покоях наедине со Священным Писанием, философскими трактата-

ми и собственными нехитрыми мыслями.

Но однажды все переменилось.

Случай этот не стоил бы внимания, поелику был обыкновенен для Лувра, где царили нравы весьма вольные, если бы не переменял мировоззрение Маргариты.

Той ночью ей вновь приснился кошмар.

Гроза. Молнии. И черные тени, обступившие Маргариту. Они тянули к ней руки и звали по имени, но в голосах их слышались насмешка и изрядное презрение к ней, которая полагает, будто королевская кровь защитит ее от геенны огненной.

Во сне был отец с окровавленным лицом, с пустою глазницей, из которой торчал обломок копья. Он хотел обнять Маргариту, но от отца пахло землею и тленом, и запах этот страшил...

Маргарита проснулась, когда его руки, стремительно теребя плоть, которая словно стекала с них, коснулись ее, не то обнимая, не то хватая, чтобы уволочь в расщелину.

Она села в остывшей постели.

Под тяжелым балдахином было холодно. Свернувшись калачиком, спала у ног служанка, похрапывая во сне. У Маргариты появилось преогромнейшее желание пнуть девицу, чтобы свалилась она на пол, но вместо этого Маргарита встала сама.

Каменный пол оказался ледяным, но домашние туфельки были тут же и просторная домашняя накидка. Марга-

рита не знала, зачем она одевается и почему так не желает, чтобы служанка помогла ей. Пожалуй, она все еще пребывала в болезненном своем полусне.

Маргарита вышла из комнаты.

Стражника, которому полагалось охранять ее покой, не было.

Лувер наблюдал за нею.

Он и подсказал, куда идти, потянул в черноту коридора.

Коридоров в Лувере было множество, как и ниш, потаенных комнат и тишайших местечек, где люди могли бы уединиться от любопытных глаз.

Маргарита не была любопытна.

Она просто шла, ступая осторожно, будто крадучись. И сперва она услышала сдавленное дыхание, судорожное, словно кто-то бежал, очень быстро бежал, оставаясь меж тем на месте. А затем иной звук – влажный, всхлипывающий.

Вздохи.

И тоненькие взвизгивания.

Тьма отступила.

Первым Маргарита увидела мужчину, который стоял с опущенными штанами. Увидела его плоский, какой-то невероятной белизны зад и тощие ноги. И удивилась, потому как до этого дня ей не случалось видеть обнаженных мужских ног.

Увидела спину, в которую вцепились тонкие женские

пальцы, а после — и саму женщину, прижатую к стене, даже вдавленную в эту стену. Она была, несомненно, жива, эта женщина. И цеплялась за своего мучителя, и запрокидывала голову на тонкой белой шее, охала, вздыхала...

Маргарита наблюдала за этими двумя с каким-то, самой ей непонятным интересом. Подмечая все новые и новые детали.

Покрасневшие щеки.

Размазанную пудру. Мушкету над губой. Томные глаза...

Первой Маргариту заметила именно женщина, но ничего не сделала, не закричала, лишь улыбнулась и провела розовым языком по пухлым своим губам. А после глаза ее закрылись, и женщина слабо вскрикнула, повисла на мужчине.

Он обернулся.

Стражник? Стражник. Маргарита знает его имя... конечно, знает, просто забыла... он вот испугался и побледнел, и спешно схватился за штаны...

— Не надо. — Женщина оттолкнула его, будто разом потеряв всякий интерес. — Девочка не причинит нам вреда.

Маргарита кивнула: не причинит. Она никогда никому вреда не причиняла.

— Ваше высочество... — Стражник, поддерживая штаны, пятился. — Вы...

— Никому ничего не скажет. — Женщина провела рукой по волосам, забранным в высокую прическу. — Верно, дорогая?

Маргарита кивнула.

Не скажет. Незачем кому-то знать, что ночью она покидала свои покои.

— Идем? — Женищина протянула ручку, узкую и белую, с родинкой на запястье. — Я провожу тебя. Детям не стоит гулять по ночам в одиночестве.

Маргарита осторожно коснулась холодной кожи.

— Что вы делали? — спросила она, потому как от женищины странно пахло, и запах этот будоражил Маргариту.

— Занимались любовью.

Голос у незнакомки оказался очень красивым, низким, переливчатым, он завораживал Маргариту.

— Он... он тебя любит? — Маргарита впервые задумалась, что любовь может быть иного, не родственного свойства.

— Ах, милая. — Пальцы женищины коснулись щеки. — Любой мужчина любит женищину, с которой занимается любовью...

Она рассмеялась тихим смехом, и Маргарита не устояла, ответила улыбкой.

— Но только тогда, когда занимается... стоит ему выбраться из постели... ну или не из постели, — женищина подмигнула, — он тотчас забывает о своих недавних клятвах... не стоит верить мужчинам, дорогая. Они слабы, суевы...

— А женищины?

— Ничуть не лучшие.

Маргарита не хотела возвращаться к себе, поскольку пришлось бы расстаться с новой знакомой, чье имя она стеснялась спросить. А с нею так давно никто не разговаривал, тем паче что женищина говорила безо всякой снисходительности, напротив, как с равной себе.

— И что же делать тогда? Кому верить?

— Себе, дорогая. И только себе. — Пальцы скользнули по щеке. — Ты очень красива. А будешь еще краше. В этом твоя сила... мужчины летят на красоту, как мухи на мед. Пользуйся этим...

— Меня будут любить?

Маргарита замерла, страхась услышать ответ, потому что без любви она не сможет жить дальше, ни дня, ни даже минуты. И если ее подруга, а Маргарите хотелось бы назвать незнакомку подругой, ответит отрицательно, то она, Маргарита, умрет нынешней же ночью.

Именно так.

Но женищина вновь рассмеялась:

— Конечно, дорогая! Тебя будут любить, и многие! Они будут добиваться ответной любви и рисковать собой ради нее... но будь осторожна. Любовь — опасная игра.

Она проводила Маргариту к самым дверям.

— Никому не рассказывай, что ты видела, ладно? Это будет нашей с тобой тайной... маленькой тайной... хорошо?

Маргарита кивнула: у нее никогда еще не было собственной тайны.

Теперь она казалась самой себе невероятно взрослой.

– Умница. – Женищина погладила Маргариту. – Иди... и будь счастлива.

Как ни странно, Маргарита уснула, стоило лишь забраться в постель. Она свернулась калачиком, закрыла глаза... и в собственном ее сне она уже не смотрела, она горела в мужских руках, прижатая к стене, раздираемая странным чувством.

Наверное, любовью.

Саломея вернулась домой поздно. Не то чтобы на это имелись какие-то причины, скорее уж беседа с Далматовым тревожила душу.

И ведь злиться на этого паразита не получалось...

– Свиданка затянулась? – Варвара сидела на полу, скрестив ноги.

Полосатые носки с помпонами.

Короткие шортики, маечка, тоже короткая, в синюю полоску. Два хвостика... она похожа на ребенка, и поневоле хочется думать, что Далматов ошибся.

– Затянулась. – Саломея уронила тяжелую сумку на стул. – Варвара... а скажи... ты была замужем?

– Трижды, – спокойно ответила она. – Я ведь говорила.

– И тебе было мало?

– Так я семью хочу. – Варвара дернула плечиком. – А не получилось... они умерли. Ты это хотела услышать?

– Да.

– Следила за мной?

– Нет.

– То есть копала... так ведь говорят, верно? Не подумай, что я обиделась... немного обиделась. – Она оттопырила нижнюю губку, и детское личико ее сделалось еще более детским. – Но я понимаю, что так надо... я бы и сама, если бы вдруг кто из родственничков неожиданно появился, проверила бы его... а то мало ли... времена такие.

Времена.

Такие.

И девочка, которая сидела на полу, среди журналов и флакончиков лака, с пилочкой в руке, разве могла она хладнокровно убивать?

Наверное, могла.

– Ты спрашивай, я расскажу... или не спрашивай, но все равно расскажу.

Варвара спрятала пилочку в косметичку. Убрала лаки и эмали. Хлопнула ладонями по голым бедрам.

– Ты только сядь, ладно? А то когда ты так стоишь, мне неуютно... а мои мужья... первым был Андрюша. Мне тогда шестнадцать исполнилось... знаешь, ты только не смейся, но я действительно мечтала выйти замуж. Наверное, это глупость глупая, ведь мечтать надо о вещах серьезных или на худой конец выгодных, а я вот о свадьбе... платье белое, пышное... фата каскадом... букет из красных

роз... машины... ленты... голуби... чтобы все говорили, какая невеста красавица...

Она вздохнула:

– Идиотство, правда? Мама говорила, что мечтать надо о хорошем будущем. О том, чтобы доучиться... поступить, закончить универ с красным дипломом. Работу найти стабильную, с большой зарплатой. А по мне это все... не хочу работать.

У Варвары синие глаза, яркие.

– Я кажусь тебе странной?

– Да нет, – ответила Саломея. – У каждого свои мечты... я вот тоже не хочу работать.

– Ты и не работаешь. – Варвара произнесла это просто, но вдруг резанула мысль, что Саломея вовсе не говорила о том, что она не работает.

Откуда тогда Варвара узнала?

Или и вправду собирала информацию...

– Ты же экстрасенс. – Варвара поднялась. – А это не работа... ну не такая, которая нормальная, чтобы в офисе с восьми до шести и час перерыва на обед. Ненавижу офисы... и да, я про тебя узнавала... и в городе этом давно... приехала месяц назад, но все как-то... вот приду к тебе и что скажу? Здравствуй, меня зовут Варвара...Пусти пожить... нет, так оно и получилось... давай на диван переберемся.

Саломея села.

– Классный... – Варвара погладила кожаную обивку. –

Всегда такой хотела... знаешь, я представляла, как мы будем жить после свадьбы. Он и я... вдвоем... своя квартира... сделаем ремонт... я журналы собирала... свадебные и про ремонт. Представляла, каким будет наш общий дом... жизнь... мы никогда не будем ссориться и вообще...

Она вздохнула:

— Андрея я в школе встретила... я в десятом классе, а он физику вел. Только-только после университета. И весь такой... остальные учителя скучными были. Уставшими. Им, говоря по правде, давно на все было наплевать. На нас. На уроки... а вот Андрей... я влюбилась с первого взгляда.

— И решила выйти замуж.

Варвара кивнула.

Она забралась на диван с ногами, а руки скрестила на груди, не то обнимая себя, не то защищаясь от Саломеи.

— В том, чтобы хотеть выйти замуж, нет ничего плохого, — повторила она. — И я... я ведь не знала, что так получится... Андрей был особенным.

Всегда серьезный.

Всегда в костюме и с портфелем, не тем обтрепанным убожеством, которому давным-давно пора на помойку, что носил с собой учитель русского языка, а с кожаным, солидным. И девчонки на переменах гадали, из крокодиловой кожи портфель или из страусовой. Тогда это казалось верхом совершенства... пожалуй, Варвара была единственной,

кто смотрел не только на этот треклятый портфель или лаковые ботинки, но и в лицо. А лицо было красивым.

Одухотворенным.

Светлые волосы, серые глаза... решительный подбородок с очаровательною ямочкой. Темные брови, которые грозно сходились над переносицей, когда он обращался к классному журналу. А голос... от этого голоса Варвара млела и терялась.

Получала тройки.

Нет, она и по остальным-то предметам не особо выделялась, поскольку, говоря по правде, была совершенно равнодушна, что к наукам гуманитарным, что к естественным. Но на физике ей хотелось выделиться... не получалось.

И когда Андрюша – так она называла учителя про себя – вздыхал, слушая, как Варвара отвечает, запинаясь, заикаясь на каждом слове, ей становилось невыносимо грустно. Тогда начинало казаться, что любви ее суждено быть безответной...

Страдала Варвара год.

До выпускного. А там, что стало причиной, избыток ли алкоголя, ощущение вседозволенности или горечь скорой разлуки, ведь теперь Варвара лишится и той единственной возможности увидеть любимого, которую имеет... как бы то ни было, но она призналась...

Наверное, Андрей был тоже пьян...

Рассвет они встретили вместе. И следующий день прове-

ли вдвоем... и как-то вдруг оказалось, что они и вправду созданы друг для друга.

– Мы, что называется, дышали в унисон. – Варвара гладила диван, как кошку. – Одинаковые взгляды, одинаковые вкусы. Мы оба любили ванильное мороженое, но не любили шоколадное, пили холодный чай. А в кофе добавляли лимон... мы читали одни книги... да многое! Просто чем больше мы общались, тем яснее становилось, что все это – не просто так.

Саломея слушала.

И пыталась понять, говорят ли ей правду.

Говорят... но вот говорят ли ей только правду?

– У него была девушка. С нею Андрей расстался... она не хотела его отпускать. Врала, будто беременна... а когда он справку попросил, то в больницу легла. Якобы потеряла ребенка и... и потом еще к ведьме обращалась... это я уже после узнала, когда... думаешь, мне нравится, что мои мужья гибнут? Но в общем, тогда это все... ее звонки... она под дверью караулила... плакала... за руки хватала... говорила, что я должна уйти, что это все приворот... я в такое тогда не верила.

Варвара вновь вздохнула и дернула себя за рыжий хвост.

– Мне даже жаль ее было... но жалость – еще не повод, чтобы от собственного счастья отказаться, правда?

– Наверное.

– Я так подумала, а потом она меня выследила и попыталась кислотой облить. Пришлось писать заявление... я его забрала, когда... мы с отцом Насти говорили. Он пообещал, что увезет дочь, что она больше не будет мне надоедать... и я забрала. Он ее действительно увез, но лучше бы ее посадили. Глядишь, и Андрей жив остался бы. Он очень переживал.

– За кого?

– За меня. – Варвара кривовато усмехнулась. – И за нее тоже. Считал себя виноватым, он ведь действительно думал, будто любит ее. И любил. Пока меня не встретил. Жениться обещал. И получилось, что он повел себя как сволочь. Но ведь он не виноват! Ну поженились бы они, и что? Как скоро он бы осознал, что ему она чужая?

– Не горячись.

– Не могу. Все это... – Варвара потерла грудь. – Уже давно было, но болит до сих пор... и вспоминать не хочется. Но если ты спрашиваешь...

Саломея кивнула: спрашивает.

Ей нужно знать другую точку зрения, ведь все может оказаться вовсе не так, как Далматов решил. Правда, переубедить Илью будет непросто.

– Еще мать его была против. Ей Настя нравилась... конечно, кто я такая? Вчерашняя школьница... и в училище поступила... я, к слову, мастер по маникюру. Если захочешь ногти сделать...

– Спасибо.

– Да тебе спасибо, что сразу не прогнала и слушаешь. Я ведь понимаю, как это все выглядит. Из города уехала, потому что шептались за спиной... родители и те слушать не захотели. Мама еще ладно, а отец... он сильно верующим стал. И все твердил, что мне грехи замолить надобно, прямая дорога в монастырь. А какой монастырь? Я еще жить хочу!

Эта обида не была наигранной.

И возмущение.

И печаль.

– Но тогда... он тоже злился, говорил, что нехорошо мужчину из семьи уводить... что если Андрей обещал, то должен жениться, я же другого себе найду. Представляешь? Мы тогда разругались насмерть. А с другой стороны, его мамаша на меня шипит. Ни одного слова нормально не скажет, все сквозь зубы... кто я против Настеньки, которая и красавица, и умница, и в аспирантуру поступает... тьфу.

Лицо Варвары исказила гримаса.

– Ты бы знала, сколько всего нам пришлось выслушать. Но мы не отступили... свадьба была именно такой, как я себе представляла... правда, кредит взяли, тогда думали, что скоро отдадим... я ведь подрабатывала. Андрей тоже... репетиторствовал, из школы его погнали, да... конечно, можно было бы просто расписаться, но ведь как тогда мечта? Он знал, насколько для меня важна эта свадьба, и говорил, что справимся. У его матери деньги были, но дать нам она наотрез отказалась. Про моих тоже молчу... в общем, кое-что нам

подарили, но немного. Гостей почти не было...

Снова вздох.

Уголки рта подрагивают, будто Варвара не способна решить, расплакаться ей или все-таки изобразить улыбку.

– Мы бы рассчитались, мы не бедствовали, нет... у Андрея была квартира. К счастью, его матушка не настолько на меня разозлилась, чтобы и его оставить без жилья... работали... я не сразу заметила, что он изменился. Стал раздражительным. И подозрительным. Звонил постоянно. Спрашивал, где я и с кем, а я клиенток понабрала, чтобы поскорей с долгами рассчитаться. Порой приходила домой затемно... а там он и кричит... у меня, мол, любовник и...

Варвара всхлипнула.

– Извини. Это все неприятно вспоминать... потом он начинал каяться. Говорил, что любит меня безумно, что жить без меня не может, и если я уйду, то он покончит с собой. А я... я успокаивала. Я думала, что это все временное, что у него стресс. Из-за Насти... она на свадьбу разбитое зеркало прислала в подарок. Из-за матушки его, и просто все сразу навалилось. Все ждала, когда пройдет... не проходило. И мы как-то поссорились, я опять вернулась поздно, а он не поверил, что у клиентки была. Пощечину залепил... я и убежала к родителям... сказала, что все, надоело терпеть... ухожу...

Она мазнула ладонями по сухим глазам.

– Он ведь решил, что я и вправду уйду...

Всхлипнула.

– Они все говорили, что я виновата... я ничего не сделала! Понимаешь, ничего! А все равно... и в этом, наверное, была виновата... мне надо было обратить внимание... заставить его к врачу сходить... или самой сводить... чтобы прописал лекарства, чтобы... или не уходить тогда. А я... я разозлилась... я ведь ради нас с ним, а не просто так гуляю... и работаю... да, я и не учитель, у меня высшего образования нет, но все равно... он бы сам попробовал, что это такое, целый день чужие ногти пилить...

– Успокойся.

Саломея коснулась холодного плечика Варвары.

– Да... извини. Не люблю вспоминать. Стараюсь не вспоминать. Я пошла к родителям. Сама не знаю почему... мы ведь в ссоре были. Они и на свадьбу-то не явились, а тут вдруг подумалось, что, может, хоть с ними удастся... с мамой... отец упертый, в деда, хотя по крови они и неродные. Но не важно. Тортик купила, чтобы не с пустыми руками. Встретили, да не особо обрадовались, это точно. Прогонять не стали, уже хорошо. Сидели. Чай пили. Я рассказывала, как мы хорошо живем, как все... я теперь вот думаю, что мама поняла, что у меня не все ладно, но промолчала. Она на самом деле добрая очень. Всегда меня жалела. Отец... по нему никогда не поймешь, что он думал... но слушал, кивал... а тут звонят, что Андрей...

Варвара сунула кулачок в рот, закусилась. И глаза ее, оста-

вавшиеся сухими, все же подозрительно блестели.

— Я... я решила, что это шутка... что Андрей попросил кого-то из своих знакомых... нет, он никогда раньше так не шутил, а тут... я не хотела верить, что он и вправду... а оказалось... оказалось, что... он умер.

Ей с трудом, но удалось произнести это слово. Варвара почти выплюнула его.

— Я долго не могла поверить... все стало таким... вот живу, а зачем... для чего... мама помогала. Без нее я, наверное, совсем потерялась бы... а отец... отец сказал, что мне в монастырь надо, что я проклята... что мама из-за меня умерла... но я ведь не виновата! Я ведь младенцем была и...

Варвара захлебнулась словами.

Она не убивала. Саломея не готова поверить, что вот эта девушка, которая все еще переживала давнюю трагедию, оказалась способна на убийство.

— Очнулась я уже после похорон. Мужа нет, ничего нет, все из квартиры вынесли... матушка его... через друзей... и меня бы выселили... я бы ушла, но тут из банка... и начинают говорить, что на мне кредит, что я платеж просрочила и проценты растут. Пеня. Они говорят и говорят, а я ничего не понимаю! Я тогда в шоке была. И бумаги подсовывают, мол, если подпишу, то долгов за мной не будет, но наоборот, они мне еще и приплатят. Я подписала. Оказалось, что квартиру им отдала... теперь понимаю, что там меня просто пугали и вообще все незаконно было, но... я не в состоянии

тогда была думать.

Судорожный выдох. И Варвара сжимается в комок.

– Очнулась я в чужой квартире... съемной... и поняла, что натворила. Не скажу, что сильно жалела, все-таки та квартира принадлежала не мне, но... неудобно... и хотела позвонить его матери, объясниться, но представила, как она меня встретит, что скажет...

Она тряхнула головой.

– В общем, передумала. Решила жить с чистого листа, благо деньги имелись. А потом и с Яковом познакомилась. Тогда... понимаешь, я ведь действительно Андрея любила и люблю еще, наверное, но... деньги таяли, а я начала думать, что со мной дальше будет. Жить? С родителями? Этого я уже не могла, потому как отец ведь не слезет со своими грехами... то есть не со своими, с моими.

– Я поняла.

– Вот... а самой... да, комнату снимаю, но на это денег уходит... салон открыть? На это уже не хватит, а с банком я больше связываться не хотела. Оставалось бегать по клиентам... и так до самой смерти. Не жизнь, а... – Она махнула рукой. – И тут Яков... весь такой...

Лощеный. Об этом Варвара подумала, впервые увидев нового клиента. Он был огромен, важен и толстогуб. Круглое лицо его лоснилось, глаза маслянисто поблескивали, а три подбородка обладали просто-таки удивительной подвижно-

стью.

Яков кланялся и говорил:

– Вот и моя розочка... вы сегодня печальны. – Он протягивал руки, по-женски маленькие, аккуратные. За руками он следил. И за усами, которые самолично ровнял маникюрными ножницами, обильно смазывал воском. – Что-то случилось, милая?

Яков шутил. И рассказывал якобы правдивые истории из собственной и чужой жизни, истории порой совершенно похабные, но при том смешные. И Варвара поневоле улыбалась.

Однажды Яков принес цветы.

И пирожные.

И пригласил на свидание, а Варвара согласилась. Нет, она любила Андрюшу и каждые выходные навещала, сидела у могилки и рассказывала о том, как живет. От этих встреч становилось донельзя тоскливо, так, что хоть самой в петлю лезь.

На свидание Яков явился в белом костюме и соломенной шляпе.

– Дорогая, – сказал он, предложив Варваре руку. – Не хотелось бы быть понятым превратно, но у меня к вам имеется предложение делового свойства.

– Какое? – Варвара не собиралась принимать никаких предложений. Но ведь интересно же!

– Выходите за меня замуж.

– Что?

Признаться, Варвара опешила. Яков же, подкрутив темный ус, продолжил:

– Я еще на похоронах тебя заприметил... – Он легко перешел на «ты» и по-хозяйски Варвару приобнял, словно тем самым давая понять, что отказа не примет. – Такая очаровательная девочка и в печали. Я, знаешь ли, не люблю, когда женщина печалится. Все же вы созданы для иного...

– Для чего? – мрачно поинтересовалась Варвара.

– Для радости! Женщина должна цвести...

– И пахнуть...

– Именно, – хохотнул Яков. – Желательно французским парфюмом. Вот у тебя, Варюшенька, есть французский парфюм?

– Нет.

– Будет. Все у тебя будет. Я человек небедный, и жену не обижу. Сама посуди, какая у тебя жизнь? А никакой. Бегаешь от клиента к клиенту, бьешься, что рыба об лед... ногти подпиливая, много не заработаешь. Те же копейки, что у тебя есть, уйдут, что вода в песок. Ты девочка молодая, тебе красивой жизни хочется. Оно и правильно, молодость на то и нужна. Но молодость и красота, Варенька, это ненадолго, скоро уйдут. И с чем ты останешься?

Варвара закусила губу.

Было бы неправильным сказать, что об этом она не думала.

– Андрейка – мальчик славный... был... и любовь у вас, оно понятно. На любовь я не претендую.

– А на что претендуете?

– Правильная постановка вопроса. – Яков вновь хохотнул. – На жену претендую. Таковую, которая будет сидеть дома, следить за порядком в этом самом доме, мужа встречать с улыбочкой. Подаркам радоваться... капризничать иногда, потому как баба без каприза – что каша без соли.

– Не боитесь, что совсем раскапризничаюсь?

– Мне кажется, ты из тех, которые меру знают.

Яков был стар.

Не настолько, чтобы вовсе уж стариком глубоким, который вот-вот в могилу сойдет, но и старше Варвары лет на тридцать... тридцать лет – это же почти вечность!

– В свою очередь, деточка, ты переедешь ко мне. Я тут квартирку недавно купил. Обустроишь по уму, как оно тебе захочется, приоденешься. Машинку куплю.

– У меня прав нет.

– И права куплю. Невелика беда. – Он хохотнул, и все три подбородка мелко задрожали. – Шучу. Выучишься. А машинка нужна, для статусу, отдохнуть съездишь. Небось дальше Крыма в жизни не бывала?

Правду сказал, да и на Крымском побережье Варвара была лишь однажды, в детстве, и воспоминания о той поездке изрядно поблекли.

– Я понимаю, дорогая, что тебе надобно подумать, толь-

ко долго не затягивай. Мордастеньких девочек куда больше, чем мужиков, которые готовы этим девочкам нормальную жизнь предложить.

– И ты согласилась.

– Согласилась. – Варвара терла щеки, которые полыхали ярким румянцем. – Осуждаешь?

Саломея пожала плечами: не в ее привычке было кого-либо осуждать.

– Он мне был... не противен, нет. Хороший мужик... и я подумала, что, может, у нас чего и получится. В конце концов, многие ведь живут без любви. И я буду. Привыкну. Стерплюсь. Ребеночка рожу. Главное, что больше никаких проблем. Мне так казалось, что если деньги будут, то все проблемы исчезнут...

Снова вздох.

И пауза.

Варвара почти успокоилась. Сидит, рыжий локон на палец наматывает.

– Нет, ты не подумай, Яков был хорошим. Когда трезвый. И подарки дарил... то цветы... то колечко... или браслетик... и не из дешевых, он вообще дешевого на дух не переносил. Из тех, которые думают, что чем дороже, тем оно лучше... правда, он выпивал. А как выпьет, так...

Варвара задрала маечку.

– Видишь?

Тонкий белый шрам.

— Это он меня ножом полоснул. Решил, что я ему изменила... потом каялся, плакал, что никогда больше... а выпивал и снова с катушек. Я ему как-то сказала, что если не успокоится, то уйду, так он меня едва не задушил. Сказал, что он меня не для того купил, чтобы я характер свой показывала. Вздумаю дернуться, и закопает. Знаешь, я ему сразу поверила. И... и научилась прятаться. Уходить из дому... или уже в доме... или просто поить дальше. В коньяк чуть снотворного и Яшка готов. Знаю, что так делать нельзя, но своя шкура дороже. Проспится. Раскается. На коленях ползает, деньги сует, чтобы погуляла, купила чего от расстроенных нервов. Он полагал, что нервы так и лечатся.

— А ты?

— А я лечила. Протрезвевший Яшка деньгам счета не знал, сколько хотела, столько тратила. Только я не тратила. Вкладывалась. Я ведь понимала, что рано или поздно, но он меня прибьет. Помощи ждать неоткуда. Отец, если расскажу, опять заговорит про Бога и смирение, про грехи мои. Мама только плакать будет. Полиция? Там с Яшкой связываться не станут. Да и закопает он меня раньше, чем дело до суда дойдет. Что оставалось? Бежать. А для этого нужны деньги. Вот я и сливала понемногу... и в украшения переводила опять же. Надо же было Яшке предъявить... так и жили. Пил он все больше. Стало совсем неважно... я и на отдых этот сорвалась, чтобы не возвращаться. Он меня приложил

хорошо, так, что с трудом ходила потом... вот у Яшки и взыграла совесть. Поэтому, когда про отдых заговорила, не стал возражать... я бы с того отдыха и не вернулась, уже продумала все... и поехала. Он ведь оплатил путевку, а мне и вправду отдохнуть хотелось. На третий день позвонили, сказали, что этот придурок себе мозги вышиб. В тот вечер я напилась от радости.

Варвара запустила руки в волосы.

– Вернулась... опознание и все такое... знаешь, теперь я была... другой, что ли? Андрюшиных похорон почти и не помню, а здесь... распрекрасно. Еще думала, что теперь все мои проблемы решены. Богатая вдова... только ничего не получилось. Сын у него был от первого брака. Взрослый. И завещание, по которому все Яшкино имущество сыну этому переходило. Вот и осталась я ни с чем. Нет, те деньги, которые откладывала, были... и цацки забирать не стали великодушно. И тачку оставили. Но с квартиры попросили съехать.

Стянув резинку, она повертела ее в пальцах, отбросила.

– Денег на жизнь хватало, только я вдруг поняла, что привыкла, когда их не много, но достаточно. Яшка не был жадным...

– И поэтому ты решила найти себе нового мужа.

Варвара кивнула.

– Понимаешь... я, наверное, совершенно испорченная, но... подумалось, что ведь другие-то так и живут... най-

дут состоятельного, немолодого... я не собиралась никого убивать. И не убивала. И... и это тоже своего рода сделка. Олега я встретила в спортзале. Яшка приучил, говорил, что внешность – тоже капитал, а за капиталом следить надо. Вот я и следила, как умела. Он тоже. Не скажу, что это была любовь с первого взгляда... так, раз перекинулись словом, другой, потом в кафе посидели. В городе встретились. Он был очень внимательным и слушать умел, как никто другой. Я рассказывала... про Андрея, про Яшку с его белой горячкой, а он – про жену. Мне должно было быть совестно, что семью разбила и все такое... отец меня вот проклинал, как будто я виновата. Нормальную семью не так просто разбить.

Варвара тянула прядь за прядью, расправляя, а затем отпуская, и волосы спешили свиться тугими пружинками.

– Он ее не любил... он мне сразу так сказал. И что раньше – да, была любовь, а потом исчезла. Они вместе работали. Жили. Было удобно, но удобства – это слишком мало, чтобы и дальше. Он сказал, что любит меня. А я ответила, что он ошибается. И ушла. Мне не настолько еще хотелось замуж, чтобы в семью лезть. Я и спортзал оставила... номер сменила. А он все равно меня нашел. У нас не такой большой город, чтобы и вправду можно было спрятаться. Появился на пороге с цветами и кольцом. Сказал, что ушел от жены. Подал на развод, сказал, что даже если я не соглашусь, то он к ней не вернется. Чужая женщина. Он ее уважает безмерно,

но... все равно ведь чужая. Слишком деловая... она и детей не хотела. И наверное, если бы вдруг захотела, то не смогла бы. Старая уже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.